

Юлий
ДУНСКИЙ

Валерий
ФРИД

Александр
МИТТА

ЭКИПАЖ

Русская проза

Русская проза (Вече)

Александр Митта

Экипаж

«ВЕЧЕ»

Митта А. Н.

Экипаж / А. Н. Митта — «ВЕЧЕ», — (Русская проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-7946-5

В книгу известных киносценаристов Юлия Теодоровича Дунского, Валерия Семеновича Фрида и Александра Наумовича Митты вошла повесть «Экипаж» о труднейших испытаниях, выпавших на долю людей мирной профессии — летчиков гражданской авиации. Многогранность человеческих отношений, понятие о долге и чести и конечно же любовь нашли в ней свое отражение. Одноименный фильм, сочетающий в себе элементы бытовой драмы и жанра фильма-катастрофы, долгое время занимал первое место в советском кинопрокате. В книге также представлены повести «Служили два товарища», «Красная площадь» и «Гори, гори, моя звезда», послужившие литературной основой популярнейших кинофильмов 1980-х годов.

ISBN 978-5-4484-7946-5

© Митта А. Н.

© ВЕЧЕ

Содержание

Экипаж	5
Люди с крыльями – не ангелы	5
Спасите женщин и детей	29
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Юлий Теодорович Дунский,
Валерий Семенович Фрид,
Александр Наумович Митта**
Экипаж
Повести

Экипаж
Ю. Дунский, В. Фрид, А. Митта
при участии Б. Уриновского

Люди с крыльями – не ангелы

Командир экипажа – Андрей Васильевич Тимченко – негромко сказал в микрофон:
– Круг! Высоту четыреста по давлению семьсот сорок занял. Разрешите третий разворот.
– Третий разрешаю, – ответил в динамике голос диспетчера.
Над дверью салона горело табло: «Застегнуть привязные ремни, не курить».

Самолет шел низко над полями и рощами. Пассажиры с ленивым любопытством смотрели на землю, то встающую дыбом, то косо сползающую вниз.

...На земле за приближением самолета неотрывно следил локатор. Ажурные лопасти медленно и чутко поворачивались – так поворачивается лицо слепого на слышный ему одному звук.

А на экране локатора самолет Тимченко был всего лишь светлой точкой, крохотной звездочкой в созвездии других таких же. Прохаживался по кругу светящийся радиус, внимательно смотрел на экран диспетчер.

– Мы на курсе, на глиссаде, – сказал штурман командиру.

И земля подтвердила:

– Высота четыреста, удаление восемь километров. Полоса свободна.

В любом современном лайнере – будь то «Ил-62», «Ту-154», «Дс-10» или огромный «Боинг-747» – кабины невелики, даже тесноваты. Наверное, размер кабины продиктован конструктивными соображениями. Но со стороны кажется, что в этом есть и другой, более глубокий смысл. Члены экипажа почти касаются друг друга плечами и потому быстрее понимают друг друга, точнее взаимодействуют – как соприкасающиеся друг с другом шестеренки одного механизма. Но они не механизм! Они живой мозг, который одухотворяет, подчиняет своей воле летучую громаду металла...

– На курсе, на глиссаде, – сказал Андрей Васильевич. – Разрешите посадку.

– Посадку разрешаю, – ответил новый голос: диспетчеры передают друг другу самолет, будто с ладони на ладонь, чтобы в конце бережно опустить его на бетон посадочной полосы.

Андрей Васильевич приподнял нос машины, выдержал его над полосой на метровой высоте – и вот колеса осторожно коснулись земли.

– Включить реверс!

Руки Тимченко двигали штурвал вперед и на себя, одновременно поворачивая его то влево, то вправо, чтобы парировать порывы ветра, удерживать самолет на оси полосы.

Постепенно замедляя ход, «Ту-154» катился по бетону. Рейс был окончен, они прилетели домой.

Безостановочной суетой, непрерывной и многообразной деятельностью Шереметьево, как и всякий большой аэропорт, напоминает муравейник: в беспорядочном, на первый взгляд, движении не вдруг угадываешь железную, раз и навсегда установленную, никем не нарушаемую систему.

С разной скоростью и в разных направлениях перемещаются по своим незыблемым маршрутам самолеты, ползут самоходные трапы, движутся автобусы, электрокары, пестрые пикапчики иностранных авиакомпаний. А между ними снуют люди: летчики, бортпроводницы, техники, пограничники...

По своему привычному маршруту, от стоянки к диспетчерской, шел и Андрей Васильевич Тимченко в сопровождении второго пилота и штурмана.

Серая «Волга» Андрея Васильевича отъехала от стоянки, где ставят свои машины шереметьевские летчики. Рядом с Тимченко сидела его жена – высокая и спокойная, под стать мужу.

– Как слетали? – спросила Анна Максимовна.

– Нормально.

– Тридцать лет слышу это «нормально».

Тимченко пожал плечами:

– Так правда же, нормально. Тебя не устраивает?.. Расскажи лучше, как жила без меня.

– Нормально, – ответила она и замолчала. Но не выдержала и стала рассказывать свои небогатые новости: – Звонили из Комитета ветеранов... Егор заходил, интересовался, когда вернешься...

– А как Наташка?

– Ну как Наташка... Наташка есть Наташка. – Анна Максимовна вздохнула и переменяла разговор. – Ко мне девочку положили с зеркальным расположением.

– С чем? – не понял Андрей Васильевич.

– Сердце справа... Такая здоровенькая, спокойная девочка...

Бортинженер Игорь Скворцов, молодой, уверенный в себе, разыскал среди других машин свой красный жигуленок, сел и отъехал, но недалеко. Остановившись в сторонке от диспетчерской, он повернул зеркальце так, чтобы видеть выходящих. Когда появилась та, которую он ждал – хорошенькая блондинка, – Игорь открыл дверцу и жестом предложил подвезти в город. Девушка уселась в машину.

Перед аэровокзалом прогуливался со своей семьей еще один наш герой – летчик Валентин Ненароков. Семья была невелика: жена Аля и сын Алик четырех лет.

Муж и жена шли, держа мальчика за руки. А он, пользуясь этим, баловался: то поднимал ноги, чтобы родители его несли, то, наоборот, повисал на родительских руках и волочил ножки по земле. Но мать и отец не замечали этого, занятые своим разговором. Издали казалось: какая симпатичная дружная семья! Но так казалось только издали.

– Не нравится? Пожалуйста – давай разойдемся! – задыхаясь от злости, говорила жена.

– Ну, Аля, ну что ты в самом деле? Это ж не разговор.

– Именно разговор! Ты мне весь отпуск испортил! Чтобы я в жизни еще с тобой поехала!

– Я бы то же самое мог сказать, но я же молчу!

– Интересно! Значит, опять я виновата?

В этот момент возле них резко затормозила красная машина, приветственно посигналила и из нее выскочил бортинженер Игорь Скворцов.

– Здорово, Валентин! Вот уж не думал!

Ненароков расплылся в счастливой улыбке, расцеловался с Игорем и повернулся к Але:
– Алечка! Это мой старый товарищ, летали вместе... Игорь, знакомься, моя жена.
– Алевтина Федоровна, – представилась Аля.

Поклонившись, Скворцов быстро и внимательно оглядел ее: красивая была жена у Ненарокова, ничего не скажешь...

– А ты тоже? – Ненароков показал глазами на пассажирку «жигулей».

– Что ты! Ты смотри не накаркай... Это так... А ты опять в Москве? Перевелся?

– Нет, я там же. На Алтае... Слушай, а как Васильич? Все серчает на меня?

– Нет, – сочувственно сказал Скворцов. – Сначала ругался, а теперь просто молчит. Не вспоминает.

– М-да... Ну все равно ты передай привет. Ладно?

Скворцов кивнул, а Ненароков продолжал:

– А мы в отпуск ездили... Показывал им Ленинград. А теперь по Москве хотим погулять.

– Так садись, покатаю вас, – после секундного колебания сказал Скворцов. – Нет проблем.

– Спасибо, не получится, – с сожалением отказался Ненароков. – Еще билеты надо оформить, багаж...

– Ну смотри...

Мальчик все это время молчал, только застенчиво улыбался. Молчала и Аля. Скворцов уселся в машину, включил магнитофон со специальными автомобильными колонками и уехал, увозя с собой громкую музыку.

– Да, летали вместе. На «Ил-18-м». Отличный парень, – растроганно сказал Ненароков.

Аля заметила неодобрительно:

– Кобель высшей марки. Сразу видно.

– А командир отряда тогда был Тимченко Андрей Васильевич, – продолжал вспоминать Ненароков. – Замечательный человек.

Аля передернула плечами: эти лирические воспоминания ее только раздражали.

Ненароковы сидели в стеклянном кафе и ели мороженое. Валентин переложил шарик из своей вазочки к Алику.

– Сиба, – с некоторым усилием сказал мальчик. Ненароков улыбнулся, спросил:

– Ку?

– Ку... Шо! – кивнул Алик. Мать в раздражении бросила в вазочку ложку, так что обрызгала и себя, и мужа.

– Да перестаньте вы на птичьем языке разговаривать! Словно как нерусские!... Губишь ведь ребенка, губишь!

– Ну ты чего, Аля? Я уверен: ему так лучше, удобнее. И не надо заставлять насильно... Вот ты при нем...

– Завел, завел шарманку... Кто бы знал, до чего мне тошно!

Игорь Скворцов и девушка, которую он подвез из аэропорта, пили кофе и слушали музыку. Комната у Скворцова была ухоженная, чистенькая и немножко пижонская: светильниками служили африканские маски с лампочками в глазницах и во рту, на стенах – какие-то панели из матового стекла, центральное же место занимала «система» – магнитофон «Тандберг» с проигрывателем и разведенными по углам стереоколонками.

Не вставая, Игорь повернул тумблер на сложном, чем-то похожем на его стол с приборами в кабине самолета, пульте, и по стенам, вернее по панелям, забегали разноцветные блики, волны, радуги.

Игорь покрутил ручку – и музыка сменилась. Зазвучал концерт Чайковского, а на потолке, вытесняя друг друга, стали появляться слайды с видами русской природы: березовые голые рощи, скованные льдом реки, старые усадьбы среди сосен.

– Потрясающе! – сказала девушка.

Игорь улыбнулся.

– Все сам. Вот этими руками.

– Только почему на потолке? Шею сломаешь.

– Я обычно лежа смотрю, – серьезно объяснил Игорь. – Лежа очень удобно.

Андрей Васильевич Тимченко тоже был дома: смотрел рассеянно телевизор и разговаривал с дочкой.

– Два зачета досрочно сдала, – рассказывала она. – Языкознание и фонетику.

– Замуж еще не вышла? – пошутил отец. – Все-таки три дня не виделись.

– Пока что нет.

– А когда выйдешь, нам с матерью хоть сообщишь?

Наташа улыбнулась, но как-то не очень весело.

– Конечно, сообщу. Если рядом телефон будет.

Отцу такой юмор не понравился, но он промолчал: сам ведь завел разговор.

Вошла с кухни Анна Максимовна со стаканом морковного сока в руках.

– О чем беседовали? – спросила она с беспокойством.

– Так... О жизни вообще. – Наташа встала. – Я пошла учиться.

Она взяла книгу, заложенную тетрадкой, и ушла к себе в комнату. Анна Максимовна поставила морковный сок перед мужем.

– А ну его к лешему, – взмолился Тимченко.

– Надо. Это сплошной каротин. Очень хорошо для глаз... Ведь знаешь.

– Каротин, карантин, – пробормотал Андрей Васильевич, но сок выпил. А жена уже достала из-под журнального столика прибор, которым измеряют давление, и стала оборачивать руку мужа повязкой.

– Зачем? – вяло протестовал Тимченко. – Это-то зачем?.. Только смотреть мешаешь... Ну, сколько там настукало?

Жена улыбнулась: знала, что обязательно спросит.

– Идеально. Сто двадцать на восемьдесят... Вот тебе Распутин, «Живи и помни». Это надо прочесть. Я очками заложила, где начинается.

...В спальне у Тимченко стояли рядышком две солидные, отсвечивающие полировкой кровати. Андрей Васильевич закрыл однотомник Распутина и потушил ночник.

– Андрюша, – сказала вдруг жена. Оказывается, она не спала – просто лежала с закрытыми глазами. – Тебе Наталья что-нибудь говорила?

– Вроде нет... А что? – встрепнулся Тимченко.

– Наверное, лучше, чтоб она сама сказала... Но все равно... Только отнесись спокойно. Она у нас беременна.

Тимченко сел на постели, зажег свет.

– Постой, это ерунда какая-то получается... Я ее сегодня, буквально сегодня спросил: замуж не вышла? Она говорит: «пока не собираюсь». Весело так говорила!

Жена только вздохнула. Андрей Васильевич понял, что сказал глупость.

– А кто... этот?

– Какой-то Костя. Она говорит, он у нас бывал... Я что-то не помню.

Тимченко встал и, как был в трусах, вышел из комнаты.

– Ты куда?.. Ее нету.

Он не ответил. Хлопнула входная дверь.

...Когда он вернулся и сел на кровать, жена не выдержала, спросила:

– Куда ходил?

– Я ей сабо привез, на день рождения.

– Ну?

– Ну, пошел и в мусоропровод кинул!

– Ты мог простудиться.

Они помолчали.

– Как тебе не стыдно? Чего ты злишься? – не очень уверенно сказала Анна Максимовна. –
Надо радоваться!

– Чему? Чему радоваться?

– Тому, что Наталья разумная девка. Не стала ничего делать, хочет рожать... Что будет внук... Что мы с тобой еще не старые – неужели не вырастим? Деньги есть, дача есть... Ну, чего ты молчишь?

– Радуюсь.

Низко над водой шел вертолет. Из воды торчали верхушки деревьев, телеграфные столбы, а кое-где и крыши домов. Половодье. «Ми-4» летел неторопливо, отражаясь в спокойной воде.

В кабине сидели Валентин Ненароков, медсестра в белом халате и второй пилот. Второй внимательно следил за землей, а Ненароков, сидя за штурвалом, рассказывал медсестре:

– Я с ним специально в Москву заезжал после отпуска. Хотели к логопеду попасть, да не успели.

– Неужели так сильно заикается? – спросила сестра сочувственно.

– Сильно... Но он хитрый, придумал выход. Слово целиком сказать трудно, так он говорит кусочек. Вместо «хочу» – «чу», вместо «хорошо» – «шо», вместо «вкусно» – «ку». В общем, целый язык сочинил.

– Интересно, – сказал второй, продолжая наблюдать за землей.

– И я с ним так же разговариваю, – рассказывал Ненароков. – Вроде балуюсь, а ему так легче, веселей. Он меньше стесняется... А вот жена – наоборот. Кричит на него, требует, чтоб говорил правильно. А он только больше заикается...

– Твоя Аля вообще язва хорошая, – заметил второй.

Ненароков не обиделся, но огорчился:

– Это ты зря... Просто у нее нервы.

– И у тебя нервы, и у меня нервы, но мы ж на людей не кидаемся.

– Знаешь что, Серега... – начал Ненароков сердито, но тут второй пилот перебил его:

– Вижу людей.

И правда, впереди, на крыше затопленного дома, махал белой рубахой человек. Рядом сидел другой, поменьше, наверное, ребенок. А на плоской крыше пристройки стоял зеркальный шкаф...

В маленькой московской квартире играл магнитофон. Под его музыку танцевала пара: молодой человек в джинсах и девушка – по виду десятиклассница. Еще один паренек сидел в углу, листая книгу.

Приоткрылась дверь, и пожилая женщина, наверное, соседка, сказала:

– Костя, к тебе.

В комнату вошел Тимченко. Не здороваясь, он сказал парню с книгой:

– Выйди на минутку. – А девушке велел: – Ты останься. Тебе полезно будет послушать.

Костя посмотрел на него с удивлением и тревогой.

– Что ж ты наделал? – спросил Андрей Васильевич, перекрывая голосом музыку. –
Наташка беременна, а ты – в кусты?

Своей тяжелой рукой он сгреб парня за рубашку и хорошенько потрянул.

– А ты отплясываешь? Другой дуре мозги крутишь?

– Это сестра моя! – жалобно закричал парень. Тимченко смутился:

– Да?.. Ну, все равно. Так люди не поступают. Иди и женись, а то я из тебя...

– Да вы не поняли, я с удовольствием, – сказал парень еще жалобней. Он пошел выключить магнитофон и снова вернулся к Тимченко. – Я только об этом и прошу. Звоню, звоню, две телеграммы дал!

– Что ты ему объясняешь? Не унижайся, – сердито сказала сестра. – Она мизинца твоего не стоит!..

– Отстань!.. Андрей Васильевич, я ее люблю. А она не хочет. Категорически.

Дома, совершенно сбитый с толку, Тимченко допытывался у дочери:

– Но почему? Почему? Можешь ты мне объяснить?.. Парень как парень...

– Ну. Он не личность. Не нужен он мне. И вам с мамой не нужен. Только лишние хлопоты.

Все равно не сможем мы с ним жить.

Андрей Васильевич помолчал, потом сказал горько:

– Ну давай, жди свою личность! Ребенка сделать – личность, а пожениться, как люди – не личность... Ты хоть понимаешь, что жизнь себе искалечила?

Наташа вдруг озлилась.

– А ты хоть понимаешь, что ничего не понимаешь?.. Буду! Буду, буду рожать! И нечего за меня беспокоиться. За себя беспокойся! Тебя спишут вот-вот, ты же отлетал почти!.. А на земле что тебе делать? Вот и будешь внука воспитывать!

– Наталья, замолчи сейчас же! – сердито крикнула мать.

Тимченко встал, хотел что-то сказать дочери, но передумал и вышел из комнаты.

– Бух! Бух! – гремело над болотом. В резиновых ботфортах, в старой кожаной куртке, Тимченко брел по хлюпающей земле с двустволкой в руках. Охота – это был его любимый отдых. Но сегодня даже охота не могла исправить настроения.

– Бух! Бух! – И, хлопая крыльями, упала на землю утка...

...Тимченко вышел к костру, который развел на сухом месте другой охотник. Этот охотник, одетый точно так же, как Андрей Васильевич, был старше лет на десять. Рядом с ним у костра сидела красивая угрюмая девушка в брюках, резиновых сапожках и нейлоновой куртке.

– Андрюша! – весело закричал сидевший у костра. – Вот нечаянная радость!.. Томочка, это мой друг, высочайшего класса летчик!

– Тамара! – без улыбки представилась девушка. Тимченко присел к костру, кивнул девушке.

– Это внучка моя, царица Тамара, – с гордостью сказал старый летчик. – А ты чего невеселый?

– По разным причинам, – буркнул Тимченко.

– Ничего, это мы исправим. Томочка, принеси, пожалуйста.

Девушка встала, спустилась к берегу озера. Там остужалась в воде бутылка водки, привязанная за горлышко к коряге.

Пока Тамара выуживала бутылку, старый летчик говорил, помешивая в греющемся над костром котелке.

– Вот, понимаешь, выросла... Красивая девчонка, хотела артисткой стать, но не потянула. По конкурсу не прошла... А теперь считает, дуреха, что жизнь пропала, конец!..

Тимченко слушал не перебивая.

– Но вообще-то, она толковая. Английскую школу кончила, и вообще, – заторопился, чтобы скорее перейти к сути, Тамарин дед. – Я ее устроил бортпроводницей. Уже год летает. И у меня просьба: возьми ее под свое, как говорится, покровительство.

– Георгий Степанович, о чем ты говоришь? – удивился Тимченко. – Все сделаю, что в моей власти...

Тамара вернулась с бутылкой. Разливая водку по пластмассовым стаканчикам, Георгий Степанович продолжал рекламировать внучку:

– Она по-английски знаешь как чешет? И поет, и разговаривает?

– Ну, петь-то у нас вряд ли придется. А вот разговаривать... Ду ю риалли спик гуд инглиш?

Тамара пожала плечами и на хорошем – гораздо лучше, чем у Андрея Васильевича, – языке отвечала, что да, действительно, хорошо говорит по-английски и любит читать английские книги.

– А где летала?

– По Союзу. А сейчас перевели в Шереметьево.

Тимченко подумал, что бы еще спросить, и ничего интересного не придумал: вообще он не очень понимал, чем может быть полезен Тамаре.

– Профессия бортпроводницы нравится?

– Нет, – спокойно ответила девушка. – Если честно, совсем не об этом мечтала.

Она держалась независимо и даже чуть-чуть высокомерно.

– А что вам нравится? На уток охотиться? – спросил Тимченко, обидевшийся за авиацию.

Тамара усмехнулась:

– Это дед Егор затащил меня. Развлекает.

Тамара отошла поискать сухих веток для костра. Тимченко спросил у Егора:

– Замужем?

Тот отрицательно покачал головой. Тимченко понизил голос еще больше:

– Мать-одиночка?

– С чего ты взял? – испугался Георгий Степанович.

– Да нет, это я так... Сам не знаю...

Тимченко и экипаж снова были в кабине «Ту-154». Впереди, за стеклом, белели в синем небе легкие облака. Ничто не предвещало неприятностей. И вдруг бортинженер Скворцов и штурман крикнули почти одновременно:

– Пожар!.. Пожар!..

– Вижу и слышу. – Тимченко инстинктивно потянулся к тумблеру, но рука его повисла в воздухе. – Дым откуда-то... Похоже, что-то горит – в кабине или под полом.

На приборной доске бортинженера мигало табло. Игорь прочитал вслух:

– Пожар в первом пассажирском салоне.

– Пилотировать второму! – распорядился Тимченко. – Всем остальным надеть маски!

– Готов! – доложил Игорь. Он был уже в маске, гофрированный шланг которой тянулся к панели с надписью: «Кислород».

– Готов! – доложил и штурман.

– Надеть маску второму. Управление беру на себя, – сказал Андрей Васильевич. На нем тоже была маска. – Двигателям малый газ! Экстренное снижение до безопасной высоты!

– Понял, – кивнул штурман. В масках со шлангами, с наушниками, все они теперь были похожи на космонавтов.

– Инженер! Возьми баллон и иди проверь салоны. – Микрофон, вмонтированный в маску, плотно прилегал к губам, и голос Тимченко звучал из динамика непривычно глухо.

– Беру баллон, бегу в салон! – весело продекламировал Игорь.

А командир продолжал:

– Уменьшаю скорость до четырехсот километров в час. Закрывать кран поддува гермокабины! Произвести разгерметизацию!

– Автомат регулятора давления включен на сброс! – доложил второй.

– Мы на курсе, на глиссаде, – сказал штурман.

– Хорошо. – Тимченко повернулся к Скворцову. – Почему не доложил об источнике дыма?

– Думаю, что где-то у нас под полом.

– «Где-то»? А конкретно можешь?

Игорь нагнулся и показал на щель под своим столиком:

– Вот он сочится... Разбирать пол?

– Ладно, не надо. Пока хватит.

– А садиться? – спросил штурман.

– Сегодня садиться не будем. Завтра.

Тимченко щелкнул тумблером над головой, и в кабине зажегся свет. Летчики не спеша сняли наушники, маски. Андрей Васильевич вынул платок из кармана и тщательно вытер лоб. За стеклами кабины не было уже ни неба, ни облаков – скучная серая пелена.

Открылась дверь. За ней стала видна большая комната с пультом управления и креслами вдоль стен. В них сидел, ожидая своей очереди, еще один экипаж, пришедший на тренажер.

– Выходите, – деловито сказал инструктор...

...Когда они шли по коридору, Тимченко недовольно сказал Скворцову:

– Игорь, надо относиться посерьезней. Конечно, это только репетиция, а спектакль, я надеюсь, не состоится никогда... И все-таки, не будь умнее всех!

На подмосковном водохранилище, неподалеку от моста, плавают обрубок фюзеляжа «Ил-18». На борту у него написано: «Волна». Здесь экипажи самолетов отрабатывают спасение при посадке на воду.

Вместе с экипажем Тимченко тренировалась группа бортпроводниц, в их числе и Тамара. В конце мая вода уже теплая – барахтаться в ней было весело. Игорь Скворцов сразу взял Тамару под свое покровительство: учил ее спускать на воду канаты и помогать «пассажирам».

...Вместе они плыли на ярком надувном плоту с шалашиком. Игорь, видимо, рассказывал ей что-то забавное: Тамара, против своего обыкновения, улыбалась. А с борта «Волны» на Скворцова неодобрительно смотрел их командир, Андрей Васильевич Тимченко: как-никак Тамара считалась его подопечной.

Вздыхнув, Тимченко поднял руку и, как полагалось по плану тренировки, выпустил в воздух сигнальную ракету.

Вечером Тамара была в гостях у Игоря. По стенам, в матовых панелях, переливались огненные сполохи цветомузыки. Тамара сидела в акустических наушниках и, закрыв глаза, слушала музыку, которая играла для нее одной: колонки были отключены. А Игорь в это время разговаривал по телефону:

– Папа! А что у Сашки?.. Не обращай внимания, потом сам жалеть будет... У тети Марины доктор был?.. Ага. Нет проблем, достанем. Повтори, как называется: «мире» или «мере»?

Прижав трубку плечом, Игорь записал на календаре: «Миредин» – и, увидев, что Тамара на секунду открыла глаза, приветственно помахал ей и извинился улыбкой. Потом закончил разговор:

– А был случай, чтоб я забыл? То-то же!.. Маму поцелуй.

Нажав на рычажок, он тут же набрал другой номер.

– Сергей? Привет!.. Бери карандаш, записывай: Михаил, Иван, Раиса, Евтушенко... Миредин. Индийское лекарство... Ты когда летишь в Индию?.. Очень хорошо. В среду я тебя встречу...

Разговаривая, Игорь время от времени включал и выключал кнопку звучания магнитофона и передвигал ручку регулятора. А когда положил телефонную трубку, включил колонки на нормальную громкость и сказал Тамаре:

– Резковато звучало, высоких много. Сейчас получше?

И вдруг увидел с удивлением, что по щекам девушки медленно ползут слезы. Игорь подошел, осторожно снял с нее наушники. Тамара открыла глаза, виновато улыбнулась.

– Вы так чувствуете музыку? – спросил Игорь с уважением. Тамара покачала головой.

– Нет. Люблю, конечно, ну, как все... Просто у меня с этой музыкой связано одно воспоминание.

– Любовь?

– Если бы!.. Я под эту музыку провалилась с треском. В Щукинском училище. Я сидела, ждала своей очереди, а за стенкой все время играли это. Это откуда?

– Рок-опера. «Французская революция».

– Я даже не знала. Но там все время ее повторяли. Наверное, студенты этюд готовили под нее или что... И во время экзамена, когда я им басню читала, тоже было тихонечко слышно. И потом, когда я в коридоре плакала, опять ее играли.

Она стала искать платок. Игорь достал свой, кончиком вытер ей слезы и пошел переключил музыку. Потом сел рядом с Тамарой и обнял ее за плечи:

– Это, как говорит мой отец, «дело былое»... Но вообще-то, если человек не вспоминает о своих неудачах, не переживает – значит, бесчувственная скотина. Так что плачь на здоровье – теперь-то у тебя все в порядке.

– Теперь все в порядке, – грустно подтвердила Тамара.

Вечером четырехэтажный поселковый дом светился разноцветными прямоугольниками окон. За одними виднелись обтянутые оранжевым шелком абажуры, каких в большом городе уже не встретишь, за другими – современные светильники, за третьими – голые лампочки.

...У себя на кухне Аля защищала пельмени. Ей помогала подруга, такая же молодая и почти такая же красивая.

– Смотри, Алька, доиграешься, – говорила подруга. – Не сходи с ума! Тебе такой золотой мужик достался.

Аля не ответила. Подруга отнесла в холодильник доску с готовыми пельменями, вернулась и высказала новую мысль:

– Ну, заведи себе кого-нибудь. Может, тогда беситься перестанешь.

– При живом-то муже? – презрительно сказала Аля. – Нет, это уж пускай другие. А я не такой человек.

– Тогда терпи.

Аля поджала губы.

– А я что делаю? Только и терплю. Уже пять лет терплю.

...Не остывший еще от рабочего азарта, Ненароков ходил по комнате, а сын Алик, крепко обхватив его правую ногу и поставив ножки на отцовский ботинок, путешествовал вместе с ним.

– Пятый день, а вода держится, – рассказывал Ненароков жене. – Кое-где аж до крыш доходит... Мы зависли над дымом, смотрю – на дереве скворечник. Низко-низко над водой... И представляешь: прямо как птичка, сидит на полочке мышь!

– Ме... мы!.. – потребовал Алик.

– Тебе мышку? – Отец поднял его на руки. – Нельзя. Ее и не достать... Уйдет вода – она слезет, побежит искать своих деток.

– Мужчины! Садитесь кушать... Я вам пельменей наготовила! – позвала Аля. Подруга вынесла из кухни большое блюдо пельменей.

...Они ужинали. На столе стояла бутылка красного вина, салат. Алина мать, седенькая и тихая, следила, чтоб ни у кого в тарелке не было пусто. Аля ела с аппетитом и при этом весело болтала:

– Ну эта Машенька Филатова, я просто не могу! Такая крохотулечка, такая пупочка – и скочет, и скочет, и скочет!.. У меня в классе три девочки тоже занимаются, но они как медвежатки...

– Угу... Угу, – поддакивал с полным ртом Ненароков. Алик ничего не ел: возил ложкой по тарелке и канючил:

– Чу ча... Чу ча... Чу ча!..

Мать рассердилась:

– Опять «чу ча»? Что это еще за «чу ча»? Скажи: «Хочу чаю»! По-русски скажи, а не по-китайски. А то не получишь ничего!

Алик хотел что-то ответить, но слова совсем не получались. Тогда он заплакал – прерывисто, как будто и плакал заикаясь.

Ненароков заступился за сына:

– Ну что ты, Аля? Раз не хочет человек... Не надо было шоколадку давать.

– Значит, я виновата? – сразу бросилась в атаку Аля. – Ты знаешь, как воспитывать, а я нет?.. Попробовал бы отказать, когда ребенок плачет!..

– Ой! Мне ведь к Жанне еще надо! – вспомнила вдруг Алина приятельница и поспешно встала из-за стола. – Всем спасибо, до свиданья!

Аля и не заметила ее ухода. Глядя горящими глазами на мужа, она кричала:

– Носишься неизвестно где! А потом приезжаешь и учишь!

Теща вздохнула и накрыла пельмени миской, а сверху полотенцем: знала, что теперь не скоро к ним вернуться.

– Почему «носишься»?.. – слабо отбивался Ненароков. – Я работаю...

– А я не знаю, работаешь или не работаешь! Может, нашел какую-нибудь и к ней летаешь!

Ненароков не удивился дикой несправедливости этого обвинения, давно уже привык. Он сказал только:

– Аля, Аля... Что ты плетешь?

Взял сигареты, спички и пошел на крыльцо курить.

...Он курил, глядя на прозрачный кружок луны в еще не потемневшем небе и вспоминал, как пять лет назад он приехал сюда, в этот городок, чтобы предложить Але руку и сердце. Нашел он ее на танцах, в клубе...

Аля увлеченно танцевала, подняв над головой красивые плавные руки, и не сразу заметила, что Валентин машет ей фуражкой. А когда заметила, бросила партнера, старшего лейтенанта, и побежала к Ненарокову. Ее провожали внимательные мужские взгляды, а старший лейтенант, не разобравшись в ситуации, даже пошел следом, чтобы вернуть Алю. Но увидел ошалелые от любви глаза Ненарокова, увидел, как Аля протянула ему навстречу руки, и свернул с курса.

– В отпуск? Или командировку? – растерянно и радостно спросила девушка.

– Приехал предложить руку и сердце, – ответил Валентин сияя. – Алечка! Завтра подаем заявление!

– Ты что придумал? Я же не могу уехать, – испугалась Аля. – Сто раз тебе объясняла: я целевая студентка, меня только через два года отпустят...

– Да не надо никуда уезжать! – продолжал радоваться Валентин. – Я сам к тебе приехал. Насовсем!

– А комната московская? Забронировался? – спросила с надеждой мать.
Разговор продолжался дома у Али, в той самой квартире, где они жили и теперь.
– Нет! Выписался с концами!

Только сейчас Валентин заметил Алино смятение, даже испуг. И счастливое опьянение, в котором он пребывал всю дорогу от Москвы, начало улетучиваться.

– Ну, подождали бы два года... Я бы к тебе приехала. Все-таки Москва, – неуверенно сказала Аля.

– Да не хочу я ждать! Не собираюсь!.. Мало ли что может случиться за два года? Верно, Евдокия Петровна?

Алина мать ничего не ответила, только вздохнула. И Валентин продолжал, словно уже оправдываясь:

– Алечка у вас красавица, умница. И характер золотой!.. От женихов, я это точно знаю, отбоя нет. Найдется какой-нибудь гусар и уведет!

– Гусар еще какой-то... Совсем с ума сошел, – сказала Аля и заплакала.

– Ничего подобного. Самое разумное решение... Я тебя люблю, ты меня любишь, мама у тебя хорошая, добрая... Прекрасно будем жить: стану работать в малой авиации. Не всем же на «Илах» летать!

Продолжая всхлипывать, Аля улыбалась ему и кивала головой.

Когда Ненароков вернулся в комнату, теща сидела и смотрела телевизор, боясь обернуться: не любила скандалов. А жена, вывалив на стол из вьетнамской шкатулки семейный архив, яростно рылась в фотокарточках. Все фотографии, на которых Аля была снята вместе с мужем, она рвала на мелкие кусочки. Весь пол был уже усеян серыми клочками.

– Ну чего ты творишь? – сказал Ненароков устало. – Ведь завтра жалеть будешь.

– Я об одном жалею! – закричала Аля. – Что дура была, что позволила тебе мою жизнь испортить!

Разбуженный криком, захныкал в соседней комнате Алик. Ненароков пошел утешать, но Аля опередила его, первая подбежала к детской кроватке.

– Не плачь, солнышко, не плачь! Ты мое солнышко, ты моя радость! Ведь ты мое солнышко? Ты моя радость?

Она стала совать сонному Алику какое-то печенье. Ненароков с неудовольствием смотрел, как падают в постель жесткие крошки.

– И не нужен мне больше никто! – сказала Аля, повернувшись к мужу. – Не нравится тебе с нами – уходи! Подавай на развод, пожалуйста. Хоть завтра!

– Ну что ты, Аля! Ну зачем нервничать?.. Я ж тебе, по-моему, ничего обидного не сказал. Все ссоры кончались у них одинаково...

В комнате Скворцова было темно. Играла тихая музыка. Игорь с Тамарой лежали в постели. Она приткнулась щекой к его плечу, а он, глядя в потолок, говорил убежденно:

– Бывают мужчины, которые женятся. На здоровье! Дай им бог счастья... А есть, которые не женятся до конца жизни. Вот я как раз из таких. Не буду врать, я влюблялся – и не один раз, и очень серьезно... Но никогда, ни одной я не давал никаких обещаний. Потому что знал: семейная жизнь – это мимо... Без меня. Ничего не обещал и никого не обманул!

– Это мне в тебе и понравилось: независимость и откровенность... Ну, не только это, но это тоже, – сказала Тамара и поцеловала его в плечо. Он обхватил ее голову, крепко прижался губами к губам. Но тут зазвонил телефон.

Игорь дотянулся до трубки, недовольно сказал:

– Да!.. Привет... Нормально... Нет, это не получится... Утром улетаю. В командировку. Да, надолго. На полгода... Угу...

Когда он положил трубку, Тамара спросила небрежно:

– Почему на полгода? Считаешь, у нас с тобой только на полгода?

– Ну... Я ж не могу сказать, уезжаю в командировку на всю жизнь!.. А ты, старуха, уже ревнуешь?

– Никогда и ни за что! – запротестовала Тамара. – Ревнуют те, у кого комплекс неполноценности... А у меня другие комплексы.

Игорь поднялся, переключил пластинку на проигрывателе. Потом присел на постель и снова заговорил:

– Но мы с тобой толковали о серьезных вещах... Женщины у нас уравнены в правах с мужчинами. Но заметь, как редко вы пользуетесь равноправием в отношениях с нами! У всех какое-то атавистическое, бессмысленное, даже унижительное желание выскочить замуж.

– Да, ты прав. Прав абсолютно, – с готовностью согласилась Тамара. А Игорь продолжал:

– Раньше, когда женщина полностью зависела от мужчины, это было естественно. Надо было прицепиться, прилепиться, чтобы выжить. А теперь?.. Она кандидат наук, обеспечена лучше любого мужика – потому что не пьет... А держится обеими руками за какое-нибудь ничтожество. Муж, не кто-нибудь! Семья!.. Ну не бред?

– Конечно, бред. Я буквально то же самое говорю девчонкам... Просто интересно, как мы с тобой одинаково думаем!

Тимченко ужинал с женой и дочерью. Он чистил себе яблоко, а жена говорила:

– Напрасно ты не ешь с кожурой. В ней все витамины.

Тимченко не ответил. Его раздражало присутствие дочери. Он старался не глядеть на нее, а когда она встала из-за стола, даже отвернулся, чтобы не видеть ее слегка округлившегося живота.

С опаской поглядев на мужа, Анна Максимовна сказала:

– Наташенька, ты бы вышла погулять. Подыши воздухом.

– Я лучше почитаю.

– Ну хоть окно открой.

Когда за Наташей закрылась дверь, Андрей Васильевич напустился на жену:

– Воркуете, как две подружки: ля-ля, ля-ля! Наталья кругом виновата, и нечего с ней либеральничать! Пускай чувствует.

Вздыхнув, Анна Максимовна пододвинула к мужу морковный сок.

– Ты с ней не разговариваешь, и я не должна?.. А к твоему сведению, у девочки температура. В ее положении всякая инфекция...

– В ее положении! – буркнул Тимченко. – Бачили очи, шо купували.

Экипаж Андрея Васильевича Тимченко готовился к полету.

Сначала все побывали у врача. Каждому проверили пульс. Все в порядке, врач поставил штамп в полетном задании.

Потом разделились: бортинженер со своим чемоданчиком пошел на поле к самолету, а командир и второй – к диспетчерам «за погодой»...

...Тимченко поговорил с командиром отряда. Они были старые приятели.

– Андрей, – сказал командир. – Трошкин шел из Алжира, так у них там грозы, вторые сутки фронт стоит. Ты в курсе?

– Угу.

– Ну и как планируешь?

– Думаю, на одиннадцати тысячах пройду. Вес к этому времени у нас будет малый. Пройду.

...Бортинженер Игорь Скворцов был уже в кабине «Ту-154». Он осмотрел доски с приборами – панель штурмана и свое рабочее место по правому борту. Пощелкал тумблерами, проверяя количество топлива, а потом отправился осматривать салоны. Он прошел между рядами пустых кресел в самый хвост, убедился, что пожарные баллоны на месте, заглянул в туалет и неторопливо отправился назад. Тамара раскладывала пледы для пассажиров.

– С питанием задержки не будет? – спросил он деловито.

Тамара обернулась.

– Ждем... Игорь, как я рада, что мы вместе летим, – сказала она, понизив голос. – А ты?

– Что я, глупее тебя? Тоже рад, очень рад. – Он поцеловал ее в уголок рта, чтобы не смазать помаду. – Только, Томкин, я хочу тебя предупредить: наши отношения остаются на земле и дожидаются, пока мы вернемся. В воздухе у тебя и у меня есть только работа и ответственность... Не обижайся, это закон.

Тамара неуверенно улыбнулась.

– Какой ты, оказывается, законник... А может, ты просто Василича боишься?

Игорь пожал плечами.

– Ты меня еще мало знаешь. Я не боюсь ничего, а в частности, никого.

...В штурманской – большой комнате, в центре которой стоит макет аэропорта, а на стенах висят карты и схемы заходов на посадку в разных портах мира, – готовились к полету члены нашего экипажа. Командир рассматривал карту погоды, штурман записывал в журнал курсы для предстоящего рейса, второй, нахмурившись, колдовал над центровочным графиком – схемой распределения грузов в самолете.

...И вот все трое – командир, второй и штурман – идут по бетонным плитам к своему самолету, каждый с чемоданом или портфелем.

Одна из бортпроводниц наблюдала за погрузкой багажа, стояли у трапа молчаливые, внимательные пограничники. Предъявив паспорта, экипаж поднялся в кабину.

Только Тимченко остался на земле. К нему спустился Игорь. Командир вместе с бортинженером обошли напоследок самолет и, не обнаружив неполадок, тоже поднялись наверх.

...Подъехали автобусы с пассажирами, началась посадка.

...В салонах пассажиры обживались на новом месте. Привычно закидывали на полки плащи и шляпы, доставали книжки; матери устраивали поудобнее детей.

...Теперь предстояло зачитать последние четыре пункта «карты». Это, собственно, не карта, а пластиковая дощечка с десятью подвижными табло. Штурман начал переводить табло слева направо, открывая надписи. Каждую он зачитывал вслух:

– Генераторы!

– Включены, – ответил бортинженер.

– Давление!

– Давление семьсот пятьдесят выставлено, высота ноль, – ответили по очереди второй и командир.

– Рули!

– Проверены и свободны, – сказал командир.

Покончив с картой предполетной проверки, штурман сказал полагающееся:

– Карта выполнена, все графы зашторены.

Тимченко снова связался с землей.

– Разрешите занять исполнительный.

«Ту-154» вырулил на белые полосы исполнительного старта. Впереди лежала просторная бетонная дорога – ВПП.

– Шереметьево! Я восемьдесят пять четыреста пятьдесят один, – сказал командир. – Рули опробованы, к взлету готов.

– Взлет разрешаю, – слышался ответ диспетчера.

– Двигатели на взлетном! – ответил бортинженер, передвинув рукоятки.

– Экипаж, взлетаем. Рубеж двести шестьдесят.

Андрей Васильевич надавил кнопку часов и передвинул секторы газа вперед. Штурман вслух называл скорость:

– Сто пятьдесят...

Все ускоряя ход, огромная машина бежала по взлетной полосе.

– Сто восемьдесят... – говорил штурман. – Скорость принятия решения! Скорость подъема! Скорость отрыва!

Андрей Васильевич взял штурвал на себя, тряска сразу прекратилась и колеса «Ту-154» оторвались от бетона. В стомиллионный раз произошло чудо, которому в наши дни удивляются только маленькие дети. Целый дом с двумя сотнями жильцов, с кухней, лифтом, кладовыми, уборными вдруг покинул землю и улетел в небо...

Напряжение и даже некоторая торжественность взлетного ритуала давно сменилась в кабине будничной атмосферой полета. Тимченко сказал в микрофон:

– Девушки, принесите-ка нам кофейку.

– Все на кофеек нажимаем, – заметил второй пилот. – А между прочим, скоро медкомиссия. Не боитесь за сердечко?

– Это вам, ветеранам, надо бояться, – благодушно отозвался Игорь Скворцов. – А я, например, сердца не чувствую. Есть даже такое мнение, что его у меня вообще нет.

– Бойся не бойся, а найдут что-нибудь – все равно спишут, – сказал штурман, тихий лысоватый человек. – Раньше, правда, я этих комиссий опасался, а теперь перестал... Так и так пора менять специальность.

– Давно не слышали, – усмехнулся второй. А штурман продолжал свое:

– Отмирает же профессия! На «Иле-86-м» штурманов вообще не будет. Не предусмотрено.

– Извините, Владимир Павлович, но я не понял, – поинтересовался Игорь. – Вы, может быть, до ста лет собираетесь летать? Так это маловероятно... А лет на двадцать работы для штурманов хватит.

– Ну, завели панихиду! – сказал Андрей Васильевич с неожиданным раздражением. Он был старше всех по возрасту, и разговор о медкомиссии тревожил его всерьез. – До ста, не до ста!.. Меняйте, ребята, пластинку.

Вошла бортпроводница, принесла всем кофе.

«Ту-154» приземлился в одном из самых больших аэропортов Европы. На здании аэровокзала было написано «ФРАНКФУРТ-МАЙН».

Тамара шла по огромному, как город, аэровокзалу – мимо киосков, магазинов, баров, составляющих целые улицы; мимо маленьких телевизоров перед креслами в зале ожидания (опусти монетку и смотри, коротая время); мимо бесчисленных стоек – их там больше восьмисот – с названиями и эмблемами всех авиакомпаний мира.

Возле стойки Аэрофлота она задержалась и спросила у немки-сотрудницы:

– Улли, Скворцов у вас?

Немка покачала головой, и Тамара пошла дальше.

...Возле пожарного депо, где пожарники проверяли готовность водяных пушек – вооружение огромной, похожей на красный троллейбус машины, – ей повстречался Тимченко.

– Тома, я тебе хочу испортить настроение. Я наблюдал, как ты работаешь с пассажирами, и мне не нравится.

– А что именно, Андрей Васильевич?

– Выражение лица, вот что! Пассажиры тебе неприятны, работа эта для тебя низкая: ты ее делаешь словно одолжение... Я уже давно заметил: прихожу в магазин, в ресторан, там красивая девчонка – официантка или продавщица. И на лице прямо напечатано: я бы могла артисткой выступать, а должна вам колбасу резать. При моей-то красоте!..

Тамара слушала эту нотацию, украдкой поглядывая по сторонам. А Андрей Васильевич продолжал поучать ее:

– Все хотят в артистки. Но ведь всем нельзя! Если вы все пойдете в артистки, кто же вас смотреть-то будет! Короче говоря, Тамара, надо менять стиль работы... Ну пойми, ты в авиации, ты летаешь! Что в жизни может быть лучше этого?.. Лично я не знаю.

Рейс продолжался. Часть пассажиров сошла во Франкфурте, а несколько человек сели. В салоне первого класса летел теперь молодой африканец в светлом костюме и непонятной парчовой шапочке. Рядом и сзади сидели еще двое в таких же шапочках – плечистые, настороженно молчаливые. Когда Тамара предложила им коньяк, спросив по-английски: «Сам брэнди, джентлмен?» – эти двое отказались, мрачно помотав головами, а молодой взял, улыбнулся Тамаре и поблагодарил по-русски:

– Спасибо.

Вспомнив поучения командира, Тамара вежливо улыбнулась в ответ.

Аэропорт в этой маленькой африканской стране был новенький, современный, но очень скромный. Африканца, улыбнувшегося Тамаре, ждал прямо у трапа белый лимузин.

Пожав на прощание руку Андрею Васильевичу, молодой африканец пригласил его вместе с экипажем в гости:

– Ай хоуп ту си ю эт май плэйс тунайт, кэптэн. Ю энд ер кру, – сказал он по-английски и по-русски добавил: – На чашка чайка.

Он сел в белый автомобиль и уехал вместе со своими телохранителями.

– В гости зовет. Как думаешь, надо пойти? – спросил Тимченко у встречавшего самолет представителя Аэрофлота.

Представитель, загорелый энергичный человек, не колебался ни секунды:

– Считаю, отказываться не надо. Этот парень здесь знаешь кто? Министр авиации... Учился в Москве. К нашим относится очень хорошо.

И представитель побежал в свою контору оформлять какие-то документы.

Подтянутые, сдержанные, как дипломаты, летчики вылезли из белой машины, которую прислал за ними министр, и направились к дому. По дороге Андрей Васильевич инструктировал Тамару:

– Я тебя взял, потому что ты лучше всех по-английски говоришь. Вот и разговаривай, поддержи марку.

– Да нас и пригласили-то из-за Тамары, – сказал второй. – Он на нее глаз положил.

Андрей Васильевич не позволил себе улыбнуться:

– Будем считать, что нас пригласили как представителей дружественной державы... И еще, Тома: предложат выпить – не отказывайся. Налей чуть-чуть, добавь доверху тоник или содовую и с одним стаканом ходи весь вечер... Они ведь пьют по-своему, не как у нас.

...Во внутреннем дворике большого одноэтажного дома стоял стол, а на нем полно бутылок. Летчики добавили к ним московскую с винтом, маленький подарок хозяину.

Тот очень обрадовался присутствию Тамары, но поздоровался со всеми одинаково сердечно:

– Добри ден, добри ден!.. Глэд ту си ю, май френдз. Летчики налили себе по-заграничному: на два пальца виски, на четыре пальца содовой. А молодой министр открыл московскую, налил себе стаканчик, сказал: «Поехали» – и выпил залпом. Тамара ехидно посмотрела на Андрея Васильевича, но тот спокойно прихлебывал свою слабенькую смесь.

...Потом включили музыку и министр танцевал с Тамарой. Сверху, с черного неба, светила луна, с боков – подвесные фонарики. Затем Тамару перехватил Игорь – он немножко ревновал ее к хозяину, а она, единственная дама в мужской компании, радовалась музыке, теплему ночному воздуху, тому, что Игорь рядом с ней и что он ревнует...

Утром, прогуливаясь под пальмами возле аэровокзала, Тимченко опять читал Тамаре нотацию. Вернее, это было предостережение:

– Имей в виду, Скворцов – человек для семьи совершенно неподходящий. Механик он первоклассный, этого не отнимешь, но с женщинами... Поэтому советую: если он начнет к тебе клеиться, гони его ко всем чертям!

– Спасибо, я так и сделаю. А если не начнет?

– Да ты не улыбайся. Вы все так. Каждая думает: «Пускай он с другими плохой, а я такая красавица, такая умница, что со мной он будет очень хороший...» А после плакать придется!

Тамара слушала и смотрела вбок, на губастого старика, который демонстрировал желающим дрессированную обезьянку. Обезьянка кувыркалась на асфальте, и Тамаре очень хотелось подойти и посмотреть. Но прерывать командира было неудобно.

– А знаете, кого я сегодня вез? – говорил Валентин Ненароков, стягивая свитер. – Изюбра и нутрий для заповедника. Они у меня...

– Мама! – громко перебила Аля. – Гляди, веник весь обтерхался. Неужели нельзя новый купить?

Мать промолчала, чтобы не мешать рассказу Валентина. Но Аля хотела именно мешать: она была не в духе и, как всегда, вымещала это на мужа.

– Да... Так вот, еле их довез. Они у меня... – снова начал Ненароков, но жена опять перебила:

– Ты за квартиру заплатил?

– Заплатил. Я ж тебе говорил.

– А за свет?

– И за свет. И за телефон. Ты нарочно перебиваешь? Так я Алику буду рассказывать, раз тебе неинтересно... Алик, изюбр – это знаешь кто? Такой олень. У него рога, как... Как...

Найти сравнение Ненароков не успел.

– Алик, иди стричься! – скомандовала Аля. – Мама, его надо подстричь.

– Прямо сейчас? – робко спросила Евдокия Петровна: она понимала, что Аля добивается ссоры, и заранее жалела зятя.

– А когда? Когда у ребенка колтун собьется?.. Алик, иди сюда! Кому сказано?

Алик уперся, хныкал. Мать шлепнула его по попке, тогда он заплакал всерьез.

– Ну что ты делаешь? – с досадой сказал Ненароков. – На меня злишься, а его бьешь... Не плачь, сына. Смотри, чего я тебе привез.

Он пошел в коридор и вернулся с картонной коробкой. В ней сидел детеныш нутрии, покрытый грубым пухом, с перепончатыми, как у утки, лапками, но не красными, а черными.

– Мы!.. Мы! – обрадовался Алик.

– Ну, не мышка, но вроде. Нутрия. Мне в питомнике подарили.

Аля только этого и ждала.

– Ты чего на стол крысу ставишь? Убери сию минуту!

– Правда, Валечка. Уж на стол-то не надо бы, – сказала и Евдокия Петровна. А дочь уже перешла на крик:

– В помойку ее! В ведерке утопить гадость эдакую... Это он нарочно, мама, чтоб на нервах моих поиграть!

Ненароков слушал, слушал – и наконец не выдержал:

– Да ты замолчишь когда-нибудь? Ну что это за жизнь такая?!

– Тебе не нравится? Так уходи – никто не заплачет! Разведемся – и дело с концом!

– Вот опять ты, Аля... Зачем глупости говоришь?

И Ненароков отступил в привычном направлении: на крыльцо.

...Он сидел с незажженной сигаретой и вспоминал разговор, который часто приходил ему на память за эти пять лет.

...Командир отряда, это был Андрей Васильевич Тимченко – никак не хотел отпускать Ненарокова из Москвы.

– Время летнее, перевозок много, и вот на тебе... Хороший летчик вдруг бросает все и уходит. И куда? В малую авиацию!

Андрей Васильевич – всегда рассудительный, спокойный, даже флегматичный – сейчас нервничал: ходил по комнате, говорил сердито:

– Разве это дело по тебе? По твоим способностям?... Тебя учили, выучили, а ты?... И ребят подводишь, и меня.

– Личные обстоятельства, Андрей Васильевич, – многозначительно напомнил Ненароков.

– Да знаю я твои обстоятельства!.. Стоишь передо мной и гордишься: ради своей великой любви всем пожертвовал, ничего не пожалел!.. Любовь, конечно, серьезное дело, но есть дела и поважнее...

– Какие, Андрей Васильевич? – искренне удивился Ненароков.

– А, что с тобой толковать... Пожалеешь, Валентин, пожалеешь, да поздно будет!.. Ведь назад попросишься, а я тебя взять не смогу.

– Нет, Андрей Васильевич. – Ненароков сиял счастливыми глазами. – Не попрошусь...

Валентин встал, постоял немножко и пошел с крыльца в дом. Аля выкричалась и была уже в другом настроении. Улыбнулась мужу, спросила почти весело:

– Кушать будешь? Холодец очень вкусный.

– Знаешь, Аля, ты правильно говоришь. Давай разводиться.

Аля не поверила, даже засмеялась.

– Да ты что?... Из-за крысы разводиться?

– При чем тут крыса...

...Остаться дома Ненарокову не хотелось. А пойти было не к кому. Он вернулся на аэродром.

– Валя, – подежуришь, пока я поем? – обрадовался ему приятель-вертолетчик. Валентин молча кивнул. Он забрался в пустой вертолет, сел за штурвал и стал глядеть в окно кабины. Ничего там не было интересного: поле, а на нем три самолета и один вертолет «Ми-4». За полем лес, на который он чаще смотрел с воздуха, чем с земли. Все было знакомо, все было понятно – на душе постепенно становилось легче, легче. Валентин сам не заметил, как заснул, сидя на своем привычном месте...

Тимченко один подъехал к дому на своей «Волге»: на этот раз жена не встретила его в аэропорту. Андрей Васильевич взял с заднего сиденья чемодан, портфель и пошел к подъезду. Краем глаза он заметил во дворе неотложку, но не придал этому значения... Правда, когда

он увидел сбегающую ему навстречу по ступенькам молодую врачиху, что-то заставило его ускорить шаги...

Он открыл дверь, шагнул в прихожую и с облегчением увидел, что жена на ногах.

– Фу ты черт, а я уж подумал, не к нам ли неотложка.

– К нам, к нам. – Анна Максимовна торопливо поцеловала мужа. – Наталье плохо, прямо беда.

Отец встревожился, хотя постарался не показать виду.

– А что такое?

– У нее грипп был, помнишь?

– Ну помню. Грипп.

– Он дал осложнения, и теперь у Наташки жуткие боли и бог знает что!

Тимченко снял плащ, сел.

– Такая уж боль, что нельзя терпеть? – недоверчиво спросил он.

– Именно что нельзя! А она терпит. И хочет дальше терпеть... Болеутоляющие исключены: это может повредить ребенку. А на характере терпеть – это свыше сил человеческих, ты мне поверь!..

– Какой же выход? – после долгой паузы спросил Тимченко.

– Я советовалась с Лещинским. Он говорит: не надо мучиться, надо прервать беременность. Но ты же ее знаешь... Кушать будешь?

– Нет.

– А чаю?

– Нет... Я к ней пойду.

– Я тебя умоляю! – встревожилась Анна Максимовна. – Мы с профессором не уговорили, а ты уговоришь? Только поругаетесь еще хуже... Да она заснула, наверное. Не буди!

Из Наташиной комнаты послышался жалобный, почти детский вскрик. Анна Максимовна кинулась к дверям. Но Наташа сама вышла в большую комнату, похудевшая, некрасивая, в стареньком махровом халате.

– Опять? – спросила Анна Максимовна.

– Мама, я больше не могу! Не могу я! – выкрикнула Наташа и сжалась, скрючилась от боли. – Я согласна в больницу! Поедем сейчас, можно?

Мать подхватила ее, увела обратно, уложила в постель.

– Сейчас ночь, деточка... Ты столько терпела – потерпи уж до утра... А утром папа ответит нас.

– Он приехал? – занятая своей болью, Наташа даже не заметила отца.

...В большой комнате Тимченко ходил из угла в угол. С грелкой в руках пробежала на кухню Анна Максимовна. Из-за Наташиной двери не доносилось ни звука. Андрей Васильевич постучал тихонько и вошел к дочери.

Наташа сидела на кровати, перегнувшись вперед, и безостановочно покачивалась. Она исподлобья глянула на отца, но ничего не сказала.

– Наташа, ты же хотела ребенка.

– Я уже сказала, что не хочу, – жалобно проговорила она. – Что тебе еще надо?

– Обожди... Это ты сама или доктора за тебя решают? Или это твоя боль за тебя решила?.. Сейчас здорово больно?

– Сейчас терпимо.

– Вот и поговорим, пока можно...

Наташа заговорила раздраженно и сбивчиво:

– Я не соглашалась, я не хотела его терять, ни за что не соглашалась – мама тебе скажет. Терпела, терпела, терпела, но настал мой предел. Больше не могу.

– Тогда я тебе так скажу. Ты все делаешь по-своему, со мной не считаешься и сейчас поступишь по-своему. Но только запомни: если человек сделал не как хотел, а поддался боли или страху, или еще какому-нибудь на него давлению – после и жалко, и стыдно будет, а уже не переделаешь... А между прочим, человек – это такой прочный механизм, что может вытерпеть бесконечно много. Больно, а ты терпи. И придет вроде второго дыхания – легче станет!

В комнату заглянула Анна Максимовна и, обрадовавшись, что разговор идет мирный, вышла: не хотела мешать.

– А я думала, ты, наоборот, рад будешь, – горько сказала Наташа. Тимченко поглядел на нее и ничего не ответил. Она смутилась, неуверенно улыбнулась отцу.

Красный жигуленок шел в потоке машин по Садовому кольцу. Сидя рядом с Игорем, Тамара говорила:

– В Токио, конечно, очень интересно. Совершенно ни на что не похоже. Но я жутко устала. Жутко... Может, оттого, что не с тобой летала.

– Маловероятно, но все равно спасибо.

Тамара помолчала, потом ни с того ни с сего спросила:

– А вот скажи, Тимченко – он тупенький?

– То есть?

– Ну... Не просекает. Он меня опять против тебя предупреждал!.. Говорил: если будет к тебе клеиться, гони его в шею.

– Ну и что в этом глупого?

– Нет, серьезно?

– А серьезно вот что: в своем деле он академик. А вообще-то, я ангелов не люблю... Не врет, не пьет, жене не изменяет... А для меня однозначно: если мужик не изменяет жене, значит, уже отстрелялся. Или жена – такое гестапо, что от нее не побегаешь... Так что это не заслуга... Но мы отклонились. Я его не люблю, но глубоко уважаю. Именно за ум. В воздухе умнее его человека нет... Там он и дипломат, и организатор, и психолог. И не потому, что прочел сто книжек по психологии – он их вообще не читает. А просто прирожденный лидер.

– Ну, это не ум. Это что-то другое.

– Ум. Пойми, ум не может быть универсальным. Все мы умные – и все по-разному... Поэтому на Таганку ходи со мной и насчет Бермудского треугольника – тоже ко мне. А по всем остальным вопросам обращайтесь к товарищу Тимченко.

Машина выехала в узкий проезд между метро и театром и остановилась. Игорь и Тамара стали пробираться сквозь вежливую толпу ко входу.

Игорь и Тамара лежали в постели. Горел только ночник. Игорь уже дремал. А Тамара, взбудораженная хорошим вечером, все не могла заснуть.

– Не спи. Не смей спать! – требовала она. – Сейчас буду рисовать твой портрет. – И она пальцем стала обводить контур его лица. – Лоб низкий, без морщин. Все понятно: человек не думает, не страдает... Нос хрящеватый, хитрый...

От легкого прикосновения было приятно, хотя и щекотно. Игорь улыбался, но не открывал глаза.

– Рот у тебя слабый и жадный... Но незлой.

– И на том спасибо, – пробормотал Игорь.

– Не нравится? Пожалуйста... Зачеркнем и нарисуем снова.

Она пальцем «перечеркнула» лицо Игоря и стала обводить заново.

– Лоб широкий, ясный... Нос тонкий, энергичный. Рот мой любимый, мой мягкий, мой ласковый...

Она поцеловала Игоря в губы и замерла, прижавшись лицом к его лицу.

Перед тем как отойти ко сну, Тимченко решил съесть яблоко. Он чистил его, а жена в сотый раз говорила:

– Напрасно ты не ешь с кожурой. В ней все витамины.

Андрей Васильевич, занятый своими мыслями, не ответил.

В спальню вошла Наташа, спокойная, веселая, с заметно уже округлившимся животиком. Она поцеловала мать.

– Спокойной ночи, родители.

Потом потерлась носом о щеку отца, схватила с тарелки самое красивое яблоко и ушла к себе.

Тимченко машинально протянул руку, давая измерить себе давление, и вдруг объявил:

– Послезавтра в госпиталь ложусь. Годовая медкомиссия.

Анна Максимовна разволновалась, даже бросила резиновую грушу прибора.

– Я так и знала!.. Каждый год одно и то же: говоришь мне за день.

– Ну раньше бы сказал – какая разница? Не в тюрьму ведь иду, сухарей сушить не надо... Отдохну месяц... И нет причин волноваться.

– Да, да... Как будто ты не волнуешься. – Анна Максимовна уже взяла себя в руки. – На меня нашумел ни за что ни про что. А между прочим, волноваться тебе нечего. Ты в прекрасной форме – говорю как врач.

Андрей Васильевич помолчал, потом сказал грустно:

– Конечно, волнуюсь. С каждым годом все больше... Это только коньяк от возраста становится лучше.

Весь экипаж Тимченко проходил комиссию одновременно.

Летчикам проверяли зрение...

Слух...

Брали кровь на анализ – из пальца, из вены...

Усеянные датчиками, сидели они в белых строгих кабинетах, среди приборов и циферблатов... Стояли на рентгене, лежали на электрокардиограмме.

Крутили педали велосипеда, поднятого над полом, – это проверялась работа сердца под нагрузкой...

Вечерами смотрели телевизор... Играли в домино, в шахматы, читали... А утром опять разбредались по кабинетам.

...И вот пришел последний день. Андрей Васильевич стоял в кабинете главврача и спрашивал с улыбкой:

– Ну как, товарищ профессор, не пора еще подковы сдирать?

– То есть? – не понял профессор.

– А это когда коняга старый отработает свое, пора на живодерку, так с него подковы сдирают, чтобы не пропадало добро.

– А-а... Нет, до этого дело не дошло... Летайте.

– А велосипед?

– Велосипед вы крутили так себе. Хуже, чем в прошлый раз.

– Так я ж не велосипедист, – улыбнулся Тимченко. – Я летчик.

Он вышел в коридор и увидел своего второго пилота – расстроенного и бледного. С лица Андрея Васильевича сползла улыбка.

– Что такое?

– Списали... Отлетелся... Андрей Васильевич, что же это получается? Я ж тебя моложе на восемь лет!

Бессознательный эгоизм этих слов не обидел Тимченко. Он прекрасно понимал, что творится сейчас в душе второго.

– Миша, ну что тебе сказать? Это как у Пушкина: «Сегодня ты, а завтра я». – Он говорил, а сам чувствовал, как неубедительно звучат его утешения. – И потом, на земле тоже работа. Все равно ты в авиации. Найдут тебе должность, и вообще... А, вались оно все! Пойдем выпьем.

Снова «Ту-154» летел в Африку. В кабине шел спокойный веселый разговор.

– Мой Вовка, – рассказывал штурман, – в сочинении написал: «Бывали в моей жизни невзгоды, но бывали и взгоды...»

– Как-как? – не понял Тимченко.

– Взгоды, – повторил штурман. А Игорь Сквиорцов похвалил:

– Логично! Раз есть невзгоды, должны быть и взгоды. Словотворец... Сколько ему поставили?

Второй пилот – он был новенький и в обсуждении Вовкиных дел участия не принимал – спросил у командира:

– Андрей Васильевич, а кому вы самовар везете?

– У нас там кореш появился, – объяснил штурман. – Не какой-нибудь, а министр авиации!

– Хороший мужик, – кивнул Тимченко. А штурман с преувеличенным сожалением посмотрел на Игоря.

– Да... Наверное, встречать придет, а Тамары-то и нет.

...Самолет, скользя по невидимому склону, приближался к посадочной полосе... Пилот приподнял нос машины, выдержал ее над полосой – и вот колеса мягко, неслышно соединились с землей. Только дым от сгоревшей резины улетел назад, и громадная машина покатила, успокаиваясь, по своей бетонной дорожке.

...Когда летчики вышли из кабины, у трапа их ждал представитель Аэрофлота, огорченный и встревоженный.

– Андрей Васильевич, – сказал он. – В стране волнения. Что именно происходит, пока непонятно, но очень похоже, что это начали мять правые...

А Тимченко и без его объяснений видел, что аэропорт завяли военные. Перегородив перрон, стояли шеренгой автоматчики, ехал по взлетному полю бронетранспортер с тяжелым зенитным пулеметом, а издали, из города, доносился знакомый с войны гул – там шла стрельба.

Бронетранспортер стал боком, загордив дорогу готовую к выруливанию бело-красной «Сессне».

Летчики, у ног которых стояла коробка с электрическим самоваром – подарок министру авиации, – смотрели молча, как министра выволокли из кабины «Сессны», как застрелили в упор одного из его телохранителей, как министра потащили, подгоняя прикладами автоматических винтовок, как затолкали в бронетранспортер. Белый костюм молодого африканца был уже в крови, парчовая шапочка слетела.

– Товарищи, в город ни в коем случае! – говорил представитель Аэрофлота. – Аэропорт пока что не закрыт, вылетите обратным рейсом по расписанию...

В креслах с высокими спинками сидели две женщины, народные заседательницы, а между ними мужчина – судья.

– Слушается дело по иску Ненарокова Валентина Георгиевича к Ненароковой Алевтине Федоровне об отобрании ребенка... Секретарь, доложите явку в судебное заседание...

– Истец явился, ответчица явилась, – торопливо ответила девушка-секретарь. – Свидетель Мишакова явилась, представитель роно явился...

Истец Ненароков и ответчица Аля сидели неловко и напряженно поодаль друг от друга. Одета она была небрежно, выглядела плохо – с покрасневшими, злыми глазами и решительно сжатым ртом, – но все равно Ненарокову она казалась такой красивой, такой желанной!

На коленях Аля держала Алика, крепко прижимая его к себе, как бы показывая этим, что никому его не отдаст.

– А ребенок зачем? – неодобрительно сказал судья. – Нечего ему тут делать. Ребенка уберите.

...В коридоре свидетельница Мишакова – Алина мать – кормила Алика бутербродами с колбасой и тихонько плакала от стыда.

...А в зале судья спрашивал:

– Ответчица, вы имеете отводы?

– Имею, – запальчиво сказала Аля. – У меня отвод его адвокату. Я без адвоката, и пускай он без адвоката!

– Ответчица, – терпеливо объяснил судья. – Закон не предусматривает права отвода адвоката противной стороны... Вы тоже имеете возможность пригласить адвоката...

– Зачем это? Обойдусь и так... Я мать, и никто не может отнять у меня ребенка! – Аля с вызовом поглядела на молодого, но уже лысого ненароковского адвоката.

Судья пропустил это мимо ушей и спросил как полагается:

– Какие ходатайства к суду есть у сторон?

– Прошу оставить мне ребенка! – опять выскочила Аля. – Мой бывший муж не может его воспитать. Он...

– Вам еще будет предоставлена возможность высказать свои возражения по существу иска, – прервал ее судья. Ответчица ему определенно не нравилась. – А сейчас я спрашиваю: имеются ли у вас какие-нибудь ходатайства процессуального характера...

...В коридоре Алик с грохотом катал по полу красную пожарную машину. А бабка, сидя на деревянном диванчике, рассказывала что-то вполголоса пожилой соседке, и та горестно кивала головой.

...Заседание продолжалось. Аля говорила спокойно и печально:

– Я понимаю, что без отца ребенку плохо. Но без матери, мне кажется, еще хуже... Я даже не знаю, на что Валентин Георгиевич надеется. Он летчик, работает в разное время, часто задерживается: ну, когда посевная или какие-нибудь случаи... Как же он будет заниматься ребенком?.. Всегда на работе.

– А вы разве не работаете? – делано удивился адвокат.

– Работаю. – Аля снисходительно улыбнулась. – Но у меня мама на пенсии. И еще полная сил.

– Скажите, а вам известно, что у Валентина Георгиевича тоже есть мать-пенсионерка и незамужняя сестра? – продолжал допытываться адвокат. – Живут в собственном доме в Краснодарском крае, куда ваш бывший муж легко может перевестись.

– Это же совершенно чужие люди Алику! – начала горячиться Аля. – А моя мама его с пеленок вырастила!

– Мама вырастила? – тут же прицепился адвокат. – А вы что же, не принимали в этом участия?

– Вы не меня разбирайте, вы его разберите, что он за человек! – Алю уже трясло от возмущения. Впрочем, адвокат этого и добивался.

– Хороший человек. В характеристике так и сказано: пользуется уважением коллектива, морально устойчив, заботливый отец...

И тут Аля сорвалась:

– Вот это уже для меня новость. Пожалуйста, я могу рассказать, какой он был отец! И про «морально устойчив» тоже расскажу... Дома не ночевал и по два, по три дня!.. А отец

так и вовсе никакой... Не давал сыну настоящего воспитания и не мог, конечно... Я педагог начальных классов, а он кто? Он сына только ругал. Даже бил, такую крошку!.. Алик от этого заикаться стал...

Ненароков слушал и, странное дело, видел не эту враждебную лживую женщину, а ту невиданную красавицу, в которую влюбился пять лет назад и которая стала его женой. Он вспоминал с мучительной отчетливостью: вот они с Алей в подъезде, еще до женитьбы. Он расстегнул ей воротник блузки и целует, целует худенькие ключицы. Заскрипела чья-то дверь, и влюбленные в веселой панике выскочили на улицу... А вот Аля в постели. Она уже заснула, а он ходит с полугодовалым Аликом на руках, качает его и смотрит на нее, не может налюбоваться... А вот они с Алей купаются в Черном море, под скалами. Ночь, кругом никого, и Аля без купальника...

– Просто даже удивительно, как такого человека держат в нашей авиации, – говорила судье Аля. – Он часто уходил в полет пьяный, мог погубить и машину и людей... Как ему доверить ребенка? И вообще, у Ненарокова были такие высказывания, что просто стыдно слушать. Он, например, серебряные крылья на своем кителе называл «курицей». День, когда давали зарплату, называл «днем авиации»...

В этом месте судья сердито перебил Алю:

– Ну, это суду неинтересно. Вы покороче.

Адвокат написал Валентину записку: «Он за вас. Перестаралась Алевтина Федоровна».

...Дошла очередь и до Алиной матери. Стараясь не глядеть на Валентина, Евдокия Петровна говорила:

– Алевтина все правильно рассказывала. Как она говорила, так оно и есть.

– А откуда вы знаете, что именно она рассказывала? – жестко спросил судья.

– Ну... Она же неправды не скажет... А как было, я знаю: все на моих глазах вертелось...

Нельзя ребенка от матери забирать.

– У меня вопрос к свидетельнице, – сказал адвокат. – Евдокия Петровна, вы говорите – на ваших глазах... На ваших глазах ребенка били?

– Били?! Что вы, как можно!.. Ну, иногда, конечно, Алечка щелканет по затылку, но это же так, любя, от нервов только...

– Понятно, понятно. Еще вопрос: вы своего бывшего зятя часто видели пьяным?

– А ни разу не видела, – растерянно сказала Евдокия Петровна. Адвокат преувеличенно удивился:

– Как же так? Пил, пил и не напивался?

– Да не пил он. Если выпьет грамм сто на праздник, так это и не питье...

Аля глядела на мать злыми, прямо прожигающими глазами. И Евдокия Петровна смешалась, закончила скороговоркой:

– А вообще-то, я, может, чего и путаю... Вы у Алечки спросите, она лучше помнит.

– У меня все, – сказал адвокат и чуть заметно улыбнулся Валентину.

... Алик спал на диванчике в коридоре, положив голову на колени старушке-соседке. Кругом ходили невеселые озабоченные люди – веселых в суде не увидишь.

...Судья стоя объявил:

– Оглашается решение... Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народный суд в составе председательствующего Демидова, народных заседателей Ларионовой и Крячко, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску Ненарокова к Ненароковой об отобрании ребенка Алексея четырех лет, установил: ответчица, проживающая вместе со своей матерью, бабушкой ребенка, материально обеспечена и не стеснена жилой площадью. Оснований для отобрания у нее ребенка нет... Руководствуясь статьей двести третьей ГПК РСФСР и на основании статьи пятьдесят пятой КОБС РСФСР, суд решил: в иске Ненарокову Валентину Георгиевичу отказать...

В опустевшей комнате адвокат утешал Ненарокова:

– А я вас предупреждал... Закон-то предусматривает равные права обоих родителей. Но на практике... Вы летчик, вы ж действительно не можете сидеть с ним весь день... А допустим, женитесь. Какая гарантия, что новая жена будет к нему хорошо относиться?... А там мать, бабушка. Конечно, мать-стерва, но все-таки... Вот то, что она вам свиданий с сыном не хочет давать, – это, разумеется...

Он замолчал, заметив вдруг, что Ненароков его не слушает: сидит с совершенно серым болезненным лицом, бессмысленно складывая и снова разворачивая судебную повестку.

Аля нарочно ждала, пока Валентин выйдет из здания суда. Ей хотелось, чтоб он видел, как она увезет Алика. Дождавшись своего бывшего мужа, Аля с сыном на руках медленно пошла к автобусу. Мальчик, одетый в самое нарядное, не понимал, конечно, что происходит.

– Па! Па! – кричал он и махал рукой отцу.

Ненароков не обернулся. Наоборот, ускорил шаги, почти побежал, чтобы не броситься к сыну, не сделать какую-нибудь непоправимую глупость...

Спасите женщин и детей

Игорь Скворцов сидел у себя в комнате и, оттопырив губы, паял какую-то схему маленьким паяльником. Раздался звонок, Игорь побежал открывать.

Но за дверью стояла не Тамара, а хрупкая и очень хорошенькая женщина с легким чемоданом. Лицо у Игоря вытянулось.

– Ты откуда взялась? – сказал он вместо «здравствуй».

– Из Ленинграда, естественно. Но ты мне, кажется, не рад?

– Почему «не рад»? Рад.

– Ну так не скрывай свою радость, возьми у меня чемодан.

...Приезжая, скинув сапоги и забравшись с ногами в кресло, рассказывала:

– Я без звонка, потому что проездом. Три часа до поезда... Но не зайти я просто не могла... Тебе-то, конечно, все равно, за три года одна открытка, а я не так устроена. Я решила: хотя бы между вокзалами, но я его увижу...

– А ты не опоздаешь? – заботливо спросил Игорь.

– Я же тебе сказала: до поезда три часа... Обожди. Что вообще происходит? К тебе должны прийти?

– Да... То есть нет, но может быть... Понимаешь, Нонка, кое-что действительно происходит.

– У тебя завелась возлюбленная? – спросила Нонна дрогнувшим голосом. Игорь хрустнул костяшками пальцев.

– Заводятся тараканы, а возлюбленная... Но в общем да.

Тогда Нонна тихо заплакала.

– Не обращай внимания. Я сейчас умоюсь и пойду...

Игорю стало ее жалко. Ой сел рядом, обнял ее за плечи, поцеловал.

– Ну брось. Ну хватит... Не надо... Кофе выпьешь?

– Скажи, ты правда хочешь, чтоб я осталась?

– Правда, правда. Но только, Нонна, я честно говорю: это будет наше прощание... – Он пошел на кухню. – Если будут звонить, не бери трубку...

...Дверной звонок звонил настойчиво и угрожающе.

Игорь на цыпочках подкрался к дверному глазку, глянул. Конечно, перед его дверью стояла Тамара. Игорь затаился в маленькой прихожей, боялся даже вздохнуть... И вдруг из комнаты грянула громчайшая музыка. Игорь подпрыгнул на месте, как заяц от выстрела... Делать было нечего, пришлось открыть дверь.

– Ты спал? – спросила, улыбаясь, Тамара.

– Нет.

– Что-нибудь случилось?

– Да.

Когда они вошли в комнату, Тамара сразу поняла, что именно случилось: на тахте сидела Нонна с распущенными волосами и притопывала ногой в такт музыке.

– Зачем вы надели мои тапочки? – спросила Тамара у Нонны ледяным голосом.

– Пожалуйста, возьмите, – отвечала Нонна. – Они мне на три размера велики. Игорь, я пойду. Мне здесь больше делать нечего.

– Ну правильно, – хмуро отозвался Игорь. – Все, что могла, ты уже сделала.

Пока соперница торопливо запихивала в сумку свое имущество – пудреницу, расческу, зажигалку, – Тамара стояла, не трогаясь с места. Но как только за Нонной захлопнулась дверь, Тамара тоже пошла из комнаты. Игорь загородил ей дорогу.

– Ты куда?

– Куда? А тебе непонятно?

И тут девушка не выдержала. Она размахнулась, чтобы влепить Игорю пощечину, но он легко перехватил ее руку.

– Постой, я объясню...

– Сволочь! Сволочь! Какая ты сволочь... Пусти немедленно!

– Но мы же договорились! – жалобно закричал он. – Никаких обязательств, полная независимость. Ты ж сама говорила: я все понимаю, я тоже так думаю, я современная женщина!

– Дурак! Идиот! Я тогда все, что угодно, сказала бы... Я говорила то, что ты хотел слышать! Мне так хотелось тебе понравиться... Эх ты, у тебя столько женщин было, и все равно ты ничего не понял. Что бы мы ни говорили, внутри все мы одинаковые: все хотим замуж, хотим детей, хотим чтобы рядом был один, только один – и был навсегда!.. Да на что мне независимость, на что мне современность? Я-то ведь тебе изменять не собиралась!

– Пришла случайно старая знакомая, за пластинкой, вставил наконец свое слово Игорь. – А ты подняла скандал, как истеричка, как базарная баба!

– А я и есть истеричка. Потому что я тебя люблю. Это тебе легко быть спокойным – тебе ведь все равно, есть я, нет меня... Ну ладно, я даже рада. Лучше вовремя оторвать, пока не приросла всей кожей, мясом...

– А уж как я рад, ты себе и представить не можешь, – сказал Игорь сдавленным голосом.

Не глядя на него, Тамара вышла из комнаты. А Игорь лег на диван и нарочно громко запустил музыку.

Ненароков сидел в гостях у своей бывшей жены. То есть Али в комнате, собственно, не было – Валентин разговаривал со своей бывшей тещей.

– Усть-Каменогорск? – удивилась Евдокия Петровна. – Это где ж такое?

– Северный Казахстан... Работа, как работа. Почти как здесь... Вот отгулы накопились, я и приехал. Так захотелось посмотреть на него – сказать не могу.

– А он ведь в садике! Только к шести вернется, – виновато сказала Евдокия Петровна. Валентин огорчился:

– Зачем же вы его в садик?

Вздохнув, теща позвала:

– Алечка! Может, выйдешь все-таки?

– У меня голова болит, – ответил злой голос из другой комнаты. Валентин встал, прошелся из угла в угол.

– Евдокия Петровна, как же вы-то не повлияли? Нельзя ему в садике... Он заикается, ему там очень плохо будет.

Тут из-за двери появилась Аля.

– Хуже, чем с тобой, ему нигде не будет, – сказала она едко. – И нет у меня возможности его дома держать. Ты нас бросил, а мама болеет.

Ненароков подумал вдруг, что время вернулось назад: вот он в своей комнате, рядом жена, он с ней ругается – все по-старому. Но комната была уже другая: не его, а какая-то женская, и Аля давно перестала быть его женой, и ругалась она с ним теперь иначе: холодно и надменно, как с чужим.

– Ладно. Раз уж приехал, то увидишь Алика. Но только на полчаса и в нашем с мамой присутствии...

У Ненарокова даже губы затряслись от обиды.

– Но почему полчаса? Почему при вас? Я ведь не в колонию приехал к преступнику малолетнему?

– А чтоб ты его против нас не настраивал!

Валентин видел через забор, как гуляют во дворе дети. Кто копал снег лопаткой, кто лепил из снежных комьев бабу. Был тут и Алик. Он стоял в сторонке от всех, тепло укутанный, замотанный еще сверху Алиным шарфом, с надвинутой на глаза шапкой и оттопыренными, как у пингвина, руками в рукавичках. Сердце в Ненарокова сжалось от любви и жалости.

...Когда дети построились парами и вышли на улицу, Алик поплелся сзади всех. Детишки смеялись, кричали, только Алик молчал и ни с кем не вступал в разговор. Валентин шел поодаль и смотрел на сына. Вдруг Алик остановился: шапка, которая была ему велика, совсем сползла на нос, так что он ничего уже не видел. А пестрая веселая вереница детсадовцев с воспитательницей во главе двигалась дальше. Никто не заметил этого маленького ЧП.

Тогда Валентин подошел, поправил Алику шапку. Тот не удивился, а только обрадовался, узнав отца. И вдруг Ненароков, сам не понимая почему, поднял сына на руки и зашагал с ним назад, потом за угол, потом в какие-то ворота. И остановился там.

Очень скоро на улице послышался шум, голоса: «Ненароков! Ты куда девался? Ненароков! А ну выходи сейчас же!» – слышался крик воспитательницы. Валентин вздрогнул и даже шагнул непроизвольно вперед, но потом сообразил, что это кричат не ему, а Алику.

Валентин прижал палец к губам, показывая, что откликаться не надо, и Алик понял, кивнул головой.

До областного города они добрались на рейсовом автобусе. Алик устал. Он хныкал, капризничал, просился к матери:

– Ма... Ма... Де ма?

А Ненароков на каждой остановке с тревогой глядел на дверь: не догнала ли их погоня, не войдет ли сейчас в автобус Аля.

В аэропорту, в зале ожидания, Алик спал на скамейке, а Валентин ел у буфетной стойки пирожок.

И вдруг он увидел Алю. Она шла к нему от дверей, покрасневшая от волнения, решительная, а за ней шагал милиционер.

– Куда дел ребенка? – закричала Аля еще издали.

– Ну что ты кричишь? Вон он, спит, – устало ответил Валентин. Он с самого начала понимал, что ничем хорошим его бессмысленная затея кончиться не может.

– Здравствуйте, Валентин Георгиевич, – неловко сказал милиционер. Но Алю такое мирное начало разговора не устраивало.

– Слышали, товарищ лейтенант?.. Я прошу его привлечь!

– Зачем же привлекать. – Милиционер давно знал Валентина и симпатизировал ему. – Дело семейное, я думаю, сами договоритесь... Верно, Валентин Георгиевич?

И он отошел. Аля подумала, поглядела на спящего Алика и сказала совсем другим, нормальным тоном.

– Спит, как зайчик. Даже будить жалко...

– Ты голодная? – спросил Валентин.

– Не знаю... Вообще-то, съела бы чего-нибудь.

...Они стояли у высокого круглого столика, ели пирожки и пили какао.

– Милиционер-то зачем? Зачем комедию разыграла? – спросил вдруг Валентин. – Нарочно? Чтобы побольнее?.. И вообще, почему ты меня все время мучила? Что я тебе сделал?!

Аля долго молчала, прежде чем ответить.

– А ты до сих пор не понял? – сказала она почти грустно. – Я тебя не люблю. И никогда не любила.

Ненароков не поверил ее словам.

– Уж и никогда?.. А зачем замуж выходила? Я ж тебя силком не тянул?

– Именно что тянул... Приехал, все бросил – работу бросил из-за меня, Москву... Как я могла отказаться? Я все-таки не бессердечная... А надо было не идти.

Ненароков продолжал цепляться за то, чего не было:

– Это ты назло говоришь... Как же так?.. Ведь ночи напролет ходили, целовались, наговориться не могли.

– Ну что такое – целовались?.. Молодая девчонка. А ты москвич, летчик. И я же видела, влюблен до смерти... Нет, я тебе точно говорю: пожалела тебя и пошла.

За стеклянной, помутневшей от изморози стеной аэровокзала передвигались самолеты – медленно и тихо, словно круглобокие рыбы в аквариуме.

– Несчастный ты человек, Аля, – сказал Валентин. – Один раз в жизни поступила красиво, благородно – и не могла мне этого простить. Пять лет вымещала... А думаешь, я не жалел о своей работе? Еще как жалел, только тебе не показал ни разу. Большие самолеты – это не работа, это жизнь моя!.. Я ведь в другом небе летал, совсем в другом! Я и теперь как вижу ночью проблесковые огни, услышу: лайнер идет, – у меня кляп в горле. Ведь я классный пилот. Я бы сейчас «Ил-62» водил.

– Ну конечно! – сказала она прежним злым голосом и дернула плечами. – Ты всегда хороший, я всегда плохая. Ты не прекнул, а я вымещала. А то, что ты меня с ребенком бросил, – это тоже хорошо? Кому я теперь нужна?

Она повернулась и пошла к скамейке.

– Алик, деточка! Проснись! Mamочка за тобой приехала!

Снова Игорь сидел в своей красной машине неподалеку от диспетчерской, снова глядел в зеркальце заднего обзора, повернув его так, чтобы видеть выходящих оттуда. Шел редкий крупный снег, пухом ложился на землю.

Из диспетчерской вышла Тамара – не одна, с двумя подружками. Смеясь, она что-то им рассказывала, надувала щеки и округляла глаза, изображая кого-то.

Игорь коротко гуднул. Тамара обернулась, скользнула равнодушным взглядом по красным «жигулям», по Игорю и пошла дальше. А Игорь остался сидеть за баранкой. Лицо у него было злое и растерянное.

Игорь сидел у себя в комнате, листая какой-то толстенный справочник. Зазвонил телефон. Игорь коршуном бросился к трубке, послушал, потом сказал равнодушно:

– А, это ты... Нет, Галка, ничего не получится. Уезжаю в командировку. Да, надолго. На всю жизнь.

Стучал по асфальту прозрачный весенний дождь. Из диспетчерской выбежали стайкой бортпроводницы, и среди них Тамара. Чтобы не испортить прическу, девушки напялили на волосы пестрые пластиковые пакеты и неслись в них, будто в карнавальных папах, к рейсовому автобусу.

Дорогу Тамаре преградил Игорь. Над головой он держал раскрытый черный зонтик.

– Не беги, – сказал он Тамаре. – Пойдем под крышу, поговорим.

– А о чем нам говорить?.. Пусти, меня ждут.

– Хорошо, можно здесь. Нет проблемы. – Он передвинул зонтик так, чтобы прикрыть от дождя Тамару. Его синий плащ сразу намок, стал черным. – Хватит тебе дурить... Мне без тебя плохо. Тебе без меня – еще хуже.

– Мне? Мне очень хорошо. Очень!.. Поэтому ты и бегаешь за мной. А если бы я плакала, звонила тебе по ночам, ты бы и не посмотрел в мою сторону...

– А я уверен, ты плачешь! И звонить тебе хочется... Но ты же актриса, ты играешь – нарочно, чтобы я помучился.

– С чего это ты взял?

– А... Жизненный опыт.

Не ответив, Тамара побежала к автобусу. Но Игорь догнал ее. Он бежал рядом, держа над ней зонтик, и торопливо говорил:

– Ну обожди. Ну погоди. Ну ладно. Раз ты такая идиотка, пожалуйста, делаю тебе предложение. Давай поженимся!

– И я тебе делаю предложение, – презрительно ответила Тамара. – Отстань и никогда ко мне не подходи.

Вертолет Ненарокова, груженный бумажными мешками с цементом, шел над полями, оставляя с севера далекий синий лес.

– «Ми-2»! – раздался в наушниках Ненарокова далекий голос девушки-диспетчера. – Переходите на частоту «Ясень», работайте с ним.

– «Нива», я – двадцать четыреста восемь. Вас понял, – ответил Валентин. – А в чем дело? Они не сказали?

– В нашу зону вошел спускаемый аппарат. Ты передаешься группе поиска...

Ненароков поглядел на своего второго. Тот кивнул – слышал.

...«Ми-2» летел над излучиной реки. Вдруг Ненароков встрепенулся и показал второму пилоту рукой.

– Гляди, они!

На границе песчаной отмели и зеленого луга лежало, вздрагивая под ветром, огромное полотнище. А рядом был обгорелый малиновый шар.

Валентин заорал в микрофон:

– «Ясень!» Вижу космонавтов! Снижаюсь!.. Будьте на связи!

Не успел вертолет приземлиться, как воздух наполнился гулом моторов. С юго-запада, из-за невысоких гор, показалась шеренга зеленых вертолетов. А выше их и, конечно, на большей скорости шли три самолета. Они уже заложили вираж: курс им был известен.

Только по чистой случайности Ненароков опередил группу поиска на какую-то минуту... Винт еще вращался, а Валентин уже бежал к малиновому шару. Там, на обресе люка, сидел космонавт, устало улыбался и махал Ненарокову шерстяной шапочкой.

Вертолеты поиска сели на песчаную отмель, а самолеты развернулись, покачали приветственно крыльями и ушли, убедившись, что человек, временно отлучившийся от своей планеты, благополучно вернулся домой.

Космонавт неловко спустился на землю и осторожно, как выздоравливающий, как моряк после долгой качки, пошел навстречу Ненарокову. А подбежавшие корреспонденты (они прилетели на одном из военных вертолетов) мигали вспышками, стрекотали кинокамерами, снимая эту встречу. Тем временем из люка показался второй космонавт – и сразу попал в объятия встречающих.

Внучке Андрея Васильевича было уже пять месяцев. Мать и бабка нянчились с девочкой, а Тимченко разговаривал с пришедшим в гости бывшим вторым пилотом. Вдвоем они сидели на веранде дачи и ели раннюю клубнику.

– Я же тебе говорил, хотя и на земле, а как был летчик, так и остался, – не очень искренне убеждал гостя Андрей Васильевич. – Только что крылья. Были тут, а стали – тут. (У тех, кто летает, крылатая эмблема на груди, а у наземных – на рукаве.)

– Андрей Васильевич, крылья были за плечами, – улыбнулся бывший второй. И Тимченко не стал спорить. Чтобы переменить разговор, он взял со стола газету.

– Миша, видел?

На первой странице внизу была фотография: космонавт обнимает Ненарокова.

– Я Вальку сразу узнал, – оживился второй. – Отличный был пилот. Такую глупость сделал, что ушел.

– Зато любовь, – язвительно сказал Тимченко.

Миша покачала головой.

– Если бы. В семейной жизни у него полная катастрофа... Поганая оказалась бабенка. Развелись, так она ему с сыном не дает видаться... Строчит всякие кляузы, аж министру...

– А я и понятия не имел, – огорчился Андрей Васильевич. – Ты-то откуда знаешь?

– От Скворцова, Валька ему пишет. – Он встал, взял фуражку. – Анна Максимовна, спасибо за угощение...

Тимченко проводил его до калитки и с интересом отметил, что Миша, проходя мимо мальчишек, игравших на улице в футбол, очень лихо поддал ногой подкатившийся к нему мяч. Вернувшись к жене в комнату, Андрей Васильевич похвалил его:

– Молодец, не унывает. Я бы так не смог... Мне воздух нужен как... как воздух. Когда меня забракуют, я, наверное...

– Прекрати, – перебила Анна Максимовна. – Ты в отличной форме. Только надо есть побольше редиски, салата, пользоваться весенними витаминами.

Андрей Васильевич подошел к радиоприемнику, включил, но сразу выключил.

– Андрюша, перестань расстраиваться, – попросила жена.

– Да нет. Я совсем про другое думаю. Ты Ненарокова помнишь?... Может, теперь, когда он на виду, есть шанс перетащить его обратно в Москву? К нам?

– С пропиской будет трудно, – сказала практичная Наташа.

Но отец уже загорелся этой идеей:

– А я попробую. Попытка – не пытка... Позвоню Ивану Семенычу по старой дружбе.

Тимченко сидел в кабинете у Ивана Семеновича и хмуро позвякивал связкой ключей. Начальник тоже был недоволен:

– Андрей Васильевич, зря ты приехал. По-моему, мы по телефону обо всем договорились.

– Не договорились, – упрямо сказал Тимченко. – Мы с тобой двадцать лет знакомы. Я за себя когда-нибудь просил?

– За себя не просил, так за других все время просишь. Какая мне разница?... Твой Ненароков сам ушел, никто его не гнал. А теперь назад... Несерьезно как-то!..

– Но пойми, это легчик! – продолжал напирать Тимченко. – Летчик с большой буквы!

– У нас все летчики с большой буквы. С большой буквы «А», с большой буквы «Б» – и до конца алфавита. – Иван Семенович показал на ящики с картотекой. – И все ждут очереди.

Он раскрыл личное дело Ненарокова и на всякий случай перелистал еще раз.

– Благодарность... Благодарность. Еще благодарность... Ну правильно, хороший летчик. Я ж не говорю, что плохой. А по-твоему, в народном хозяйстве должны плохие работать?

Тимченко протянул Ивану Семеновичу газету с фотографией: Ненароков обнимается с космонавтом.

– Смотри: инициативный, внимательный. Вот, космонавта первым увидел – раньше поисковой группы.

Начальник вздохнул и положил газету в личное дело.

– Ладно, я доложу. Но не ручаюсь.

– Ты не просто доложи, – неловко попросил Тимченко. – Ты уж освети поподробнее...

В другом кабинете Иван Семенович разговаривал с другим начальником, повыше.

– Так он же сам ушел из отряда, – говорил начальник.
– Были обстоятельства.
– А чем он лучше других?
– Тимченко очень просит.
– А-а... То-то он на прием записался. – Он обратил внимание на газету. – А это что?
– Это Ненароков первым космонавта заметил. Внимательный.
– Ну да. Без него пропал бы космонавт, – хмыкнул начальник. – Ладно, переведем. – И сказал в селектор: – Пригласите Тимченко.

Подняв воротник плаща – был уже октябрь, – Ненароков шел по незнакомому городу... Рыжие кленовые листья ползли по тротуару, подгоняемые ветром. Сверяясь с адресом на конверте, Валентин нашел нужный ему дом, поднялся на третий этаж.

Дверь ему открыла Аля, чуть располневшая и еще красивее, чем была. Она кивнула бывшему мужу почти дружелюбно:

– Приехал? Ну проходи. Алик сейчас придет. Он у соседей.

Квартира была хорошая, трехкомнатная. В столовой сидел с газетой грузный широкоплечий летчик.

– Познакомься, мой муж, – с гордостью сказала Аля. Летчик встал, улыбнулся и так тряхнул руку Ненарокова, что чуть не вывихнул.

– Анатолий! – назвал его. – Раздевайся и садись. Сейчас нам Алена чего-нибудь сочинит!.. Да садись ты, будь как дома!

Аля безропотно пошла на кухню, а новый муж стал ее нахваливать:

– Хозяйка исключительная!.. И умная ведь, и характер золотой!

– Да, действительно, – сказал Ненароков, чтобы не обижать Анатолия. А тот засмеялся счастливым смехом и хлопнул Валентина по плечу.

– Я тебе просто удивляюсь: как ты упустил такую женщину? Лопух ты, лопух!.. И пацан тоже очень хороший. Меня папой зовет. Знаешь, он уже меньше заикается – к логопеду ходит.

Вошла Аля, стала накрывать на стол.

– Спасибо, я кушать не буду, – решительно сказал Валентин. – Только поел.

Анатолий очень огорчился:

– Где это ты ел? Зачем?.. Садись!

– Нет. Честно не хочу.

– Эх ты!.. Но рюмочку-то за знакомство можно?

– Рюмочку можно.

Аля поставила на стол графинчик, мимоходом погладила здоровенную руку мужа, и они выпили.

...Прибежал Алик, приласкался к матери и робко улыбнулся Ненарокову.

– Валентин, тебе ж с ним интересно, не с нами, – сказал добродушно Толя. – Давай мы с мамочкой в кино пойдем, а вы оставайтесь...

– Мы бы лучше погуляли, чем дома... Алик, до? гу?

– П-пойдем гу-гулять. – Алик заикался теперь совсем немножко, и Ненарокову стало стыдно за неуместный уже их старый язык.

...Они шли по улице. Алик прилипал носом к витринам, читал, запинаясь, вывески:

– Ка-фе... Пи-во... Буб-бу-лочная...

Потом попросил:

– Дядя, пойдем на пруд. Там лебедь живет.

– Какой я тебе дядя? – возмутился Ненароков. – Ты что, забыл меня совсем?

– Н-не забыл... У меня теперь папа Толя. А два папы у ребенка не бывает. П-правда?.. Ты не папа, а дядя.

– Это тебе мама объяснила? – грустно спросил Валентин.

– Ага.

...Они кормили грязного лебедя печеньем... Сами поели на улице мороженое. И пошли домой.

...Аля ждала на улице у подъезда.

– Нагулялись? Вот и хорошо... Валентин, ты бы хоть о себе рассказал. Как живешь-то?

Валентин неохотно сообщил свои новости:

– Ну как... Прошел в Москве медкомиссию, переподготовку прошел. Буду летать на «Ту-154».

– Значит, ты в порядке, – задумчиво сказала Аля. – А как личная жизнь? Нашел кого-нибудь?

Ненароков отрицательно покачал головой. Тогда Аля, понизив голос, спросила:

– Слушай... А если бы взять и все начать сначала? Чтобы все как раньше – ты, я и Алик... Ты бы согласился?

У Ненарокова вся кровь прилила к лицу – и сразу отхлынула. С трудом разомкнув одеревеневшие губы, он ответил:

– Я бы согласился.

– А я бы не согласилась! – весело и громко сказала Аля. – Ни за что! Я теперь только и поняла, что значит жить. Засыпаю счастливая и просыпаюсь счастливая... Это я просто проверяла: ты такой же остался или нет.

Валентин помолчал, потом сказал, через силу усмехнувшись:

– Да... Я остался такой же... И ты такая же осталась, как была.

– Алик, – позвала Аля, – пойдем домой, папа ждет.

Алик, который все это время играл сам с собой в «классы» – детям неинтересны разговоры взрослых, – послушно пошел за ней. Уже из подъезда он обернулся к Ненарокову.

– До свиданья!.. Д-дядя, я т-тебя люблю!..

Андрея Васильевича вызвал к себе командир отряда.

– Тебе придется полетать в Бидри, – говорил он. – Без пассажиров. Повезешь продовольствие и медикаменты... Пострадавшим от землетрясения. Красный Крест посылает... Ты туда летал?

– Летал когда-то. Аэропорт маленький, но полоса вполне приличная.

– Была приличная, – поправил командир отряда. – До землетрясения... Они ремонтируют сейчас, но все равно посадка может оказаться сложной.

– Знаю, читал подшивку. У них РД вышла из строя.

– Возьмешь оттуда пассажиров, – продолжал командир отряда. – В основном женщин и детей. Учти, там есть с травмами...

Когда Тимченко пошел к двери, командир вспомнил еще одну вещь:

– Да! Я вчера из Киланги прилетел. Там опять переворот. Правых погнали, прежний президент вернулся.

– А наш приятель? – поинтересовался Тимченко. – Помнишь, я рассказывал, министр авиации?

– Расстреляли. Успели, сволочи... А теперь его портреты всюду висят. В аэропорту тоже.

В этот рейс с Тимченко летел вторым пилотом Валентин Ненароков. Собранный, серьезный, вместе с бортпроводницей он следил за погрузкой: ящики были разнокалиберные и неудобные.

А в бригаде бортпроводниц оказалась на этот раз Тамара. По ее поводу у Андрея Васильевича еще на перроне произошел крайне неприятный разговор с бортинженером Скворцовым.

– У тебя были отношения с Тамарой? – хмуро спросил он Игоря. Тот сразу напрягся, набычился:

– Андрей Васильевич, а это вас касается?

– Касается. Если человек плачет, если ему жизнь поломали, это всех касается...

– Ну точно, я так и думал, – пробормотал Игорь.

Тимченко разозлился еще больше:

– А меня особенно касается. Потому что она внучка летчика, старого моего товарища... Я долго терпел твои номера, а больше – хватит! Имей в виду, ты со мной летишь в последний раз... Прямо тебе говорю, чтобы потом не удивлялся.

– Андрей Васильевич! Это непедагогично – портить настроение перед полетом. Напугали до смерти... Вдруг я теперь ошибку допущу?

Так с командиром не разговаривают. Но Игорю было необходимо выплеснуть свое раздражение. Тимченко внимательно посмотрел на бортинженера.

– Таким, как ты, настроение не испортишь. Такие, как ты, другим портят настроение. И разговаривай повежливее. Смотри, из отряда вылетишь!

...Когда Скворцов проверял перед полетом салоны, он столкнулся в проходе с Тамарой. Не глядя на него, она хотела пройти мимо, но он загородил путь.

– Нажаловалась дяденьке?.. Ну радуйся. Обещает из отряда погнать...

«Ту-154» шел на юго-восток. Ненароков в своем кресле справа от командира просматривал сборник с данными аэропортов по трассе.

Тимченко сухо попросил Скворцова:

– Прибавь температуру в кабине.

Перед креслом бортинженера находится его пульт. Игорь молча нажал нужные кнопки.

Тогда Андрей Васильевич отъехал в своем кресле назад (кресла в кабине на рельсиках), вытянул ноги и задал своему второму пилоту неуставной и не требующий ответа вопрос:

– Что, Валентин, летим?

Валентин широко улыбнулся:

– Летим, Андрей Васильевич...

Аэропорт в Бидри был расположен неудобно для летчиков: чуть ли не от грани летного поля начинались холмы и переходили в отроги неприветливых бурых гор. Горы эти со всех сторон окружали впадину, в которой лежал город и аэропорт. Последствия землетрясения были заметны еще с воздуха: над городом стоял дым, кое-где поднималось кверху пламя непотушенных пожаров.

На летном поле работали краны, бульдозеры, катки. Приводили в порядок бетонные плиты, ремонтировали асфальт перрона.

...Когда Тимченко сошел с трапа, к нему поспешил представитель Аэрофлота, усталый, с красными от недосыпа глазами.

– Ночью опять был толчок, – рассказывал он. – Обратный вылет через час: чем скорее улетите, тем лучше... Наши строители в большинстве остаются – участвовать в восстановительных работах. А жены, дети и больные уже здесь, ждут посадки...

Представитель отошел, чтобы посмотреть, как идет разгрузка.

А Тимченко подозвал Тамару:

– Тома, беги, поторопи их с набором питания.

Сам же Андрей Васильевич отправился в диспетчерскую...

...Тамара, уже шла назад к самолету, когда вдруг случилось что-то непонятное: будто кто-то выдернул у нее из-под ног землю. Девушка упала, попробовала вскочить, но тут же снова села на бетон. Откуда-то – не сверху, не сбоку, а снизу, из самой земли, донесся тяжелый нарастающий гул.

В испуге и удивлении Тамара смотрела, как сыплются с фасада аэровокзала гигантские буквы, составляющие слово «Бидри».

Тяжело вздохнув, земля расступилась. По взлетному полю побежала извилистая черная расщелина. Она пересекла взлетную волосу, не посередине, а ближе к концу, и зацепила краем МРД – магистральную рулежную дорожку.

Кричали, метались люди – смуглолицые местные жители, летчики, аэродромовская обслуга.

Со скрежетом стукнулись боками бульдозер и ярко-желтый джип. На Тамариных глазах огромный «боинг», стоявший на перроне, качнулся, беззвучно тронулся с места и медленно покатился к аэровокзалу. Заскрежетали алюминиевые конструкции, зазвенела, рухнула стеклянная стена – «боинг» протаранил ее своей лобастой головой, обрушил лестницы, ведущие на второй этаж, и только тогда остановился. С лестниц посыпались люди. В уши Тамаре ударили крики, вопли, стоны.

Прямо на девушку мчался черно-желтый клетчатый автомобильчик с надписью «Фоллоу ми» («Следуй за мной»). Тамара зажмурилась от страха. Но машина, не доехав двух шагов, затормозила. Из нее выскочил Игорь Скворцов – это он был за рулем.

– Ты чего тут расселась? – закричал он с явным облегчением, увидев, что Тамара цела и невредима. – Я тебя ищу, ищу!

...Они ехали вдвоем, и автомобиль подпрыгивал на покореженных плитах, как лодка на волнах. Тамара упрямо не глядела на своего спасителя, даже «спасибо» не сказала.

Когда они подъехали к самолету, у трапа уже толпились люди: женщины с детьми и десяток мужчин – большинство в бинтах. Некоторых принесли на носилках.

Тимченко и не глянул на выскочивших из машины Тамару и Скворцова: он был занят разговором с представителем Аэрофлота и седым загорелым мужчиной, который лежал на носилках, поставленных на землю.

– Даже не знаю, какое принять решение, – говорил мужчина, судя по всему, начальник. – Взлетать сейчас рискованно... Как считаете?

– Обстановка сложная, – сдержанно сказал Тимченко.

– Может быть, эвакуировать людей на юг? Автобусы еще... – Но лежащий на носилках не успел закончить фразу. Раздался такой гул, такой грохот, что, кроме него, ничего не стало слышно. На горизонте рванулся в небо столб пара и дыма – и сразу окрасился в багровый цвет. Это заработал потревоженный землетрясением вулкан.

Люди, собравшиеся у самолета, смотрели молча, не в силах оторвать глаз, как вулкан заволокло густым белым туманом. В нем, будто молнии, мелькали проблески огня, разлетались во все стороны красные искры. Конечно, только отсюда, издали, они казались искрами: это были вулканические бомбы – глыбы раскаленной породы.

Грохот стих, и в наступившей тишине представитель Аэрофлота сказал почти весело:

– Во... Только этого нам и не хватало.

Теперь стало видно, что белая пелена тумана быстро опускается вниз по склону горы, направляясь к аэродрому.

– Это сель, грязевой поток, – констатировал лежащий на носилках. – Быстро, негодяй, бежит...

Из форточки с левой стороны кабины высунулся Ненароков.

– Андрей Васильевич! Башня передала: с гор на нас идет поток – грязь и раскаленная лава. Скорость большая, уже перерезана автострада...

Видимо, это сообщение получили одновременно и другие самолеты: вокруг них забегали, засуетились техники.

– До нас дойдет? – спросил Тимченко у лежащего на носилках. Тот пожал плечами.

– Раз на раз не приходится... В двадцать седьмом году полгорода снесло... Надо срочно эвакуироваться.

– На чем? – раздраженно сказал представитель Аэрофлота. – Транспорта нет... И не будет.

Андрей Васильевич секунду подумал. Потом сказал:

– Значит, так. Взлетать рискованно, оставаться – невозможно. Отсюда вывод: будем взлетать... Всем на борт. Выруливаем и взлетаем! Остальное обсудим в Москве.

...Тамара с бортпроводником помогали подняться по трапу больным, раненым, женщинам с маленькими детьми. Внесли на носилках и начальника строителей. Чемоданы и тяжелые коробки остались на земле, в электрокаре.

Увидев, что идет посадка, к самолету со всех сторон побежали люди – пассажиры с разных рейсов. Испуганные, растерянные, они сгрудились у трапа. Большинство молча ожидало решения своей судьбы. Только трое самых нервных, перебивая друг друга, объясняли бортпроводнице на разных языках, что их надо, обязательно надо взять на борт.

Тимченко подсчитал глазами; иностранцев собралось человек двадцать. Был среди них и раненый. Чтобы он не упал, его поддерживали под руки.

– Я их возьму. Не возражаешь? – спросил он представителя Аэрофлота. Тот кивнул головой.

– Возьми, конечно.

– А тебя не зову. Ведь не полетишь?

Представитель только усмехнулся в ответ. Они обнялись на прощание, потом Тимченко снял фуражку, неторопливо вытер внутри платком, снова надел на голову и поднялся по первому трапу.

...Четыре самолета – японский, скандинавский и два немецких – одновременно, чуть не в хвост друг другу, стали выруливать с перрона.

Вдруг совсем рядом раздался оглушительный взрыв, и над топливохранилищем взметнулось пламя: может, пробила крышу долетевшая сюда вулканическая бомба, а может, замкнулись потревоженные землетрясением провода. Взрывной волной скандинавский самолет кинуло на немецкий – так, что они сцепились крыльями и, изувеченные, остановились оба.

Советские летчики видели это из окна своей кабины. В их сторону двигалась огненная река: горящее топливо разлилось по полю.

– Что делается, что делается, – покачал головой штурман. А Тимченко невозмутимо сказал:

– Продолжаем читку карты.

Штурман щелкнул передвижным табло:

– Генераторы!

– Включены! – отозвался Игорь.

– Давление!

– Давление семьсот сорок пять выставлено, высота ноль, – отвечали Ненароков и Тимченко.

– Рули!

– Проверены и свободны...

...Японский самолет – он был заметно меньше остальных – уже бежал по взлетной полосе. Когда до расщелины, пересекавшей полосу, оставалось каких-нибудь сто метров, он

оторвался от земли и стал набирать высоту. В ту же секунду с исполнительного старта начала разбег машина «Люфтвагзы». Это был громадный «дуглас», и Тимченко, следивший за ним из окна кабины, сокрушенно вздохнул.

– Не успеет? – полуутвердительно спросил Ненароков.

И действительно, «дугласу» не хватило полосы. Передняя его нога попала в расщелину, и огромный самолет встал на попа, перевернулся на спину и загорелся.

Откуда-то вывернулась пестрая машина руководителя полетов. Из нее выскочил человек в шлемофоне и замахал жезлом, запрещая советскому самолету выруливать на исполнительный.

– Вот чудак, – добродушно сказал Тимченко. – Неужели ж мы туда полезем?.. Будем взлетать по рулежной. Да, Валя?

Валентин кивнул, а штурман за его спиной удивился вслух:

– По рулежной?

МРД – магистральная рулежная дорожка – не приспособлена для взлета. Она много уже ВПП – взлетно-посадочной полосы. Но выбора сейчас не было: на взлетной догорал «дуглас», а МРД была свободна, и расщелина пересекала ее в самом конце.

Тимченко по-английски запросил у диспетчера разрешения взлететь с МРД.

...В башне, где не осталось в окнах ни одного целого стекла, сидели три диспетчера, потные, взлохмаченные. Отсюда видно было поле с искаженными самолетами, с целым озером пылающего топлива. И отчетливо виден был надвигающийся на аэропорт сель. Вал из грязи, камней и лавы шел, сметая на пути деревья, стесывая скалы, глотая одноэтажные дома и склады на подступах к взлетному полю. Три раза голос Тимченко просил разрешения на взлет, прежде чем диспетчер – тоже по-английски – неуверенно ответил:

– Взлет с МРД на ваше усмотрение.

Тимченко положил тяжелые спокойные руки на рога штурвала.

– Двигателям взлетный! – приказал он.

Игорь ответил, передвинув рукоятки:

– Двигатели на взлетном!

Обоим приходилось кричать, чтобы перекрыть быстро нарастающий гул селя.

– Экипаж, взлетаем! – Тимченко передвинул секторы газа от себя.

Машина уже набирала скорость, когда очередной толчок шатнул землю. Покачнулась и начала медленно заваливаться тридцатиметровая мачта с прожекторами, стоявшая сбоку от МРД.

Оставшийся на перроне представитель Аэрофлота смотрел, оцепенев, как сближаются самолет и падающая металлическая махина.

«Ту-154» почти успел пройти, однако мачта, рухнув и разожив мимоходом бульдозер, слегка зацепила все-таки хвост самолета. Пика громоотвода на верхушке мачты царапнула по фюзеляжу, забарабанили по обшивке сорвавшиеся прожектора.

Но машина бежала вперед: останавливаться было уже нельзя.

– Сто восемьдесят! – выкрикивал скорость штурман. – Двести! Скорость принятия решения!

И убежав от надвигающегося каменного потока, обманув подстерегающую впереди расщелину, «Ту-154» взлетел над пылающим полем в небо, где для него не было опасностей... Так, во всяком случае, думали в ту минуту летчики.

Когда самолет вошел в левый разворот, набирая высоту, Тамара увидела в окно повернутую землю. И вдруг, словно не сумев удержаться на этом косогоре, маленький далекий аэровокзал с башенкой развалился на куски. Это был последний толчок большого землетрясения в Бидри.

Тамара зажмурилась и отшатнулась от окна.

...Тимченко докладывал Москве:

– Я восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Взлет произвел, высота тысяча двести... Самолет плохо слушается руля высоты. Предполагаем повреждение посторонним предметом на взлете...

Самолет шел в спокойном вечернем небе. Через просветы между облаками виднелись внизу морщинистые горные кряжи. В салоне пассажиры громко и нестройно пели вечную «Катюшу» – радовались тому, что страхи остались позади, что летят домой. Иностранцы не пели, но улыбались и даже притопывали в такт: они чувствовали себя гостями и хотели быть приятны хозяевам. Те из раненых, которые не могли сидеть, лежали – каждый на трех креслах с откинутыми подлокотниками.

В первый салон вошел Игорь и стал торопливо скатывать ковровую дорожку в проходе между креслами. Поющие понемногу замолкли. Люди с удивлением и тревогой смотрели, как Игорь вскрыл первый люк – ближний к кабине – и спустился под пол, в багажное помещение.

Фонариком он осветил зеленые с черными кольцами трубы – тяги рулевой. Осторожно потянул в одну сторону, в другую. Тяги руля поворота ходили легко, а тяги руля высоты почти не двигались.

По СПУ – самолетному переговорному устройству – бортинженер доложил командиру:

– Тяги руля высоты почти не ходят... Внешних повреждений нет. Перехожу в следующий отсек.

А около буфета два ряда кресел были вообще сняты. Там устроили импровизированный госпиталь. На разостланной простыне лежал пожилой англичанин с открытым переломом голени, это его поддерживали под руки у трапа. Врач закрутил жгут, чтобы остановить кровотечение, и наложил лубки. Следующий пациент уже ждал своей очереди. Рот у него был широко открыт и сдвинут на сторону.

– Челюсть сломал, – объяснили доктору.

Тот бегло ощупал лицо больного и уточнил:

– Не сломал, а вывихнул.

Одной рукой он придержал больного за затылок, другую сунул ему в рот, ухватил за зубы и быстрым беспощадным движением рванул вниз и назад. Пациент охнул, пошевелил челюстью и сказал удивленно:

– И все дела?... Спасибо...

– Не за что, – отмахнулся доктор. – Самая трудная часть операции – убрать вовремя руку, чтобы пальцы не откусили.

Доктор, как и все, был в приподнятом настроении.

А в кабине атмосфера была совсем другая.

– Москва, центр! – вышел на связь Тимченко. – Я – восемьдесят пять четыреста шестьдесят восемь. Перелетел государственную границу СССР, пройду траверз Ленкорани в двадцать три десять.

В кабину вошла встревоженная Тамара.

– Что такое? – спросил Ненароков.

– Во втором салоне какой-то свист. И температура понизилась.

Игорь поднялся с кресла:

– Я пойду посмотрю. Разрешите?

Тимченко кивнул.

...Заложив руки в карманы, Игорь стоял в хвостовой части самолета и смотрел вверх, на потолок салона. В одном месте обивка была разодрана, и в эту дыру со свистом уходил воздух.

Бортинженер рванул обивку, раздвинул теплоизоляцию и у видел трещину в дюралевой обшивке самолета. Трещину шириной в два пальца. В нее медленно уползал, втягивался поролон теплоизоляции.

Игорь был человеком храбрым до отчаянности, но это зрелище заставило его измениться в лице и невольно отступить на шаг.

...Когда Игорь, осмотрев хвостовую часть, возвращался назад, пассажиры уже не пели. Женщин с детьми перевели в первый салон: там было немного теплее. Бортпроводницы раздали пледы, помогали укутать детишек. Игорь прошел в кабину...

...Тимченко докладывал Москве:

– Снижаюсь до трех тысяч: самолет разгерметизирован... в обшивке, в хвостовой части обнаружена трещина. Размеры уточняем.

К зданию Министерства гражданской авиации на Ленинградском проспекте подъезжали одна за другой черные «Волги». Люди, приехавшие на них, торопливо здоровались друг с другом, торопливо входили в стеклянные двери.

...Наверху, в просторной приемной, их встречал референт. Всем он говорил одну и ту же фразу:

– Проходите, пожалуйста, ждет.

В кабинете уже собралось человек десять. Шторки большой настенной карты были раздвинуты. Озабоченный человек в летной форме, стоя возле карты, докладывал хозяину кабинета ситуацию:

– На конечном этапе разбега, в момент отрыва от земли, имел место еще один подземный толчок. При этом самолет получил повреждение: вышел из строя руль высоты и в хвостовой части фюзеляжа образовалась трещина, размеры которой уточняются.

Из селектора раздался металлический голос:

– Самолет прошел траверз Ленкорани в двадцать три тринадцать... Высота три тысячи, скорость пятьсот...

– Да... Ситуация, – сказал хозяин кабинета. – Надо к ним послать кого-нибудь. Пускай пристроится с хвоста, произведет осмотр наружных повреждений...

Один из сидящих за столом сейчас же отозвался:

– Рейсом Баку-Ашхабад идет «Ил-18». Может, его?

В кабине Тимченко слушал сообщение Москвы:

– «Ил-18», следовавший рейсом Баку – Ашхабад, получил указание изменить курс, пристроиться к вам с хвоста и произвести осмотр повреждений...

Опять прибежала Тамара.

– Андрей Васильевич, пассажиры волнуются: некоторым дышать трудно... Что мне делать?

– Что делать? – задумчиво сказал Тимченко. – Сделай вот что. Принеси-ка нам, Тамарочка, кофейку.

– Что? – Тамара подумала, что ослышалась.

– Кофейку, кофейку... И вообще, поменьше волнуйся. Не бегай по салонам, а ходи спокойно... Мы снижаемся, дышать станет легче... И распорядись, чтоб достали чемоданы из багажного: пусть оденутся потеплее.

...Через вскрытый Игорем второй люк бортпроводник и двое строителей выгружали из багажного отделения чемоданы. Их раскрывали тут же, в проходе, и пассажиры одевались кто во что. Особо теплых вещей ни у кого не было: летели из южной страны.

...Когда появился «Ил-18», было уже совсем темно. Пристроившись в хвост самолету Тимченко, «Ил» зажег посадочные фары и сообщил по радио результаты осмотра:

– «Ту-154», вы меня слышите?.. Вижу вас хорошо. Руль высоты внешних повреждений не имеет, но в носовой его части виден какой-то посторонний предмет... На воздухозаборнике среднего двигателя вижу вмятину... Под ним, в верхней части фюзеляжа, трещина длиной около метра и загнут лист обшивки – встречным потоком.

– Спасибо, – поблагодарил Тимченко и повернулся к своим. – Ну, мастера, слышали?.. Что делать будем?

Наступила пауза. Все выжидательно смотрели на Сковорцова. Помедлив, он сказал:

– С такими повреждениями мы далеко не улетим. А сесть без руля высоты не можем... Поэтому предлагаю: прорубить гермошпангоут, выйти в хвостовой отсек и проникнуть в канал воздухозаборника. Через него добраться до трещины и попробовать вернуть на место задравшую обшивку. Это должно приостановить развитие трещины... Задача рискованная, но, считая, выполняемая.

Сковорцов говорил громко, сухими четкими формулировками – будто сдавал экзамен нелюбимому преподавателю.

– Наконец, самое для нас важное и самое трудное – обследовать руль высоты и попытаться устранить неисправность... Этим займусь после трещины...

Тимченко задумался. Потом, приняв, видимо, решение, спросил все же Ненарокова:

– Твое мнение?

Ненароков тоже помолчал, прежде чем ответить:

– Теоретически возможно. Практически, по-моему, никто этого никогда не делал... Но у нас, Андрей Васильевич, другого выхода нет. Надо пробовать.

Тимченко удовлетворенно кивнул.

– Согласен. Попробуй, Валя...

Сковорцов просто задохнулся от злости.

– Почему он?! Это моя идея, и, в конце концов, это мои обязанности. Я инженер!

– Приступай, Валентин, – спокойно повторил Тимченко.

Чтобы Ненарокову выйти из кабины, Игорь должен был отодвинуться вместе с креслом. Но он этого не сделал, не тронулся с места.

– Андрей Васильевич! Его сдует – вы будете отвечать! – Игорь выкрикивал все, что ему диктовала обида. – Он не знает как. А я знаю! И я должен!.. Андрей Васильевич, я буду жаловаться. Вы из-за личных счетов...

– Ты где находишься? Ты с кем разговариваешь? – Тимченко был из тех людей, которые, не повышая голоса, умеют придать ему такой напор, что устоять трудно. Не устоял и Сковорцов. Он откатился в кресле, пропуская Валентина. А Тимченко продолжал:

– Да, Ненароков мне больше нравится. У него больше опыта, больше хладнокровия. Он и будет выполнять. А ты пойдешь с ним помогать ему снизу.

Сковорцов и Ненароков рубили заднюю стену туалета пожарными топориками. Заглянувший в дверь пассажир смотрел с тревогой и удивлением, как на месте зеркала возникает безобразная дыра.

...Тамара ходила по салону, обаятельно улыбалась и спрашивала по-русски и по-английски:

– Уважаемые пассажиры! Не найдется ли у кого-нибудь лишний свитер, теплая куртка. Очень нужно для экипажа.

Кто-то неохотно расстался с теплой кофтой (в салоне было одиннадцать градусов), кто-то отдал пончо:

– Не знаю, подойдет ли...

А рослая блондинка, наверное, норвежка, сняла и отдала Тамаре надетый поверх костюма красный спортивный комбинезон:

– Вилл ит ду?

В Министерстве гражданской авиации хозяин просторного кабинета и все, кого он вызвал к себе, слушали теперь лысоватого инженера в очках. Повесив рядом с картой схему самолета «Ту-154», инженер рассказывал и для ясности помечал фломастером полученные самолетом повреждения, а также путь, который предстояло проделать Ненарокову.

– Они хотят пройти вот здесь... Подняться сюда и добраться до трещины... И попробуют залатать.

– Садиться им надо, а не фокусы показывать! – сказал, повернувшись к хозяину кабинета, импозантный седой мужчина. – Садиться, и чем скорей...

Инженер сердито блеснул очками.

– Да не могут они сесть! У них руль еле-еле ходит!.. В воздухе им и половины руля хватит. Но при подходе к земле, при посадке надо иметь полный ход штурвала... Это ребенку понятно!

Хозяин кабинета поморщился: не стоило инженеру разговаривать в таком тоне.

– Рискованное дело, рискованное, – дипломатично сказал хозяин. – Но раз Тимченко принял решение, видимо, другого выхода нет.

Он нагнулся к селектору.

– Дополнительно запросите состояние раненых. Не нужна ли медицинская консультация...

Раздевшись до трусов, Валентин торопливо облачался во все теплое, что добыла Тамара: шерстяное белье, тренировочный костюм, свитер, пончо и красный женский комбинезон. Вид у него был довольно смешной, но Тамара – здесь, где ее не видели пассажиры, – не улыбалась. Она знала, что предстоит Ненарокову. А тот посмеивался:

– Космонавт Ненароков к выходу в космос готов.

Мрачный и молчаливый Игорь повесил ему через плечо джинсовую, вышитую букетиками сумку. Там был инструмент. Он помог Ненарокову надеть наушники, для надежности примотал их к голове бинтом, а на лбу тем же бинтом закрепил электрический фонарик. Потом обвязал Валентина вокруг пояса спасательным канатом и конец каната дал ему в руки:

– Держи.

Шлепнув Игоря на прощание перчаткой, Валентин протиснулся сквозь дыру в негерметичный отсек. А Скворцов остался у шпангоута. Не выдержав, Тамара сказала ему:

– Он полез, а ты здесь?

– Точно. Он полез, а я на подхвате, – со злобой ответил Игорь. – Умею устроиться. – И он надел наушники.

...Ненароков осматривался в полутемном закутке, скошенном, как каморка под лестницей. Потолком каморки был изгиб воздухозаборника, куда предстояло проникнуть Валентину. (Канал воздухозаборника – это широкая труба, через которую всасывается воздух для двигателя.)

– Ну как ты? – раздался в наушниках голос Тимченко.

– Пока нормально... Стою в хвостовом отсеке под двигателем.

...Штурман напряженно следил за курсом и высотой, ведь всего в ста метрах находился сопровождающий их «Ил-18». А Тимченко, ведя самолет, разговаривал с Ненароковым.

– Закрепи фал именно здесь, – советовал Тимченко. – Чтобы можно было втащить тебя обратно.

– Да не беспокойтесь, Андрей Васильевич, – ответил голос Ненарокова. Андрей Васильевич нахмурился.

– Повтори, как понял?

– Закрепить фал... Завязываю двойным узлом за такелажное ухо.

– Средний движок я выключил... Не торопись. Двигайся осторожно... Я буду и дальше уменьшать скорость, но меньше четырехсот не смогу. Так что ветер тебя потреплет, не обижайся.

У гермошпангоута их разговор хмуро слушал Игорь Скворцов.

– Скворцов тебе не нужен? – спрашивал голос Тимченко.

– Пока нет...

...Светя себе фонариком, закрепленным на лбу, Валентин открыл замки люка воздухозаборника. Открыл все четыре, сообщил об этом в кабину и медленно, с трудом протиснулся в лючок.

И сразу ударил в лицо, завыл ледяной ветер. Валентин лежал в трубе с совершенно гладкими стенками. А надо было ползти по ней вперед и вверх.

С трудом достав из сумки отвертку и молоток, Валентин пробил в стене трубы две дырочки и продел сквозь них кусок проволоки. Получилась петля. В наушниках раздался голос командира:

– Валя! Почему молчишь? Что делаешь?

– Стремена делаю. Иначе не долезть. Скользко... Штук шесть придется делать.

– Только ты не молчи, дорогой. Говори каждое свое движение... И ты будешь лучше осмысливать, и мне спокойней...

...В салоне, среди пассажиров, нарастало беспокойство. К начальнику строителей, который лежал поперек трех кресел укрытый пледами и решал кроссворд в старом «Огоньке», явилась целая делегация – две женщины и мужчина. Мужчина начал:

– Сергей Николаевич! Почему нас не кормят? И вообще, почему ничего не объясняют? Мы имеем право знать!

– Объяснят, когда можно будет, – пожал плечами Сергей Николаевич. Лицо у него было серое, губы посинели от недостатка кислорода. – А пока я нашел себе занятие: мне после инфаркта нельзя волноваться. И вам не советую... Карты у вас есть! Взяли бы и сыграли.

– При чем тут карты?! – возмутился мужчина. – Ведь явно же происходит что-то! А от нас скрывают, как от маленьких! Чего они боятся? Я войну прошел... Чем так сидеть, мы могли бы помочь.

Сергей Николаевич усмехнулся.

– Да все равно они нам правды не скажут. Успокоят: маленькая неисправность, ничего серьезного... Вот давайте так и считать.

...С помощью проволочных стремян Ненароков забрался по воздухозаборнику наверх, почти к самому входу. Встречный поток трепал его, пихал обратно. То и дело Валентин ударялся подбородком или плечом о ледяной металл.

Вход в воздухозаборник круглый. Но сейчас его частично загораживал дюралевый лист – края задравшейся обшивки фюзеляжа.

Онемевшими от холода пальцами Валентин схватился за угол обшивки – и охнул от боли, выругался вполголоса.

– Что у тебя? – послышался встревоженный голос Тимченко.

– Ерунда. Руку поцарапал... Игорь, давай проволоку!

...Изнутри самолета, из салона, Игорь с помощью пассажира – того, который возмущался, почему им не говорят, что случилось, – пропихнул в дыру на потолке два длинных куска толстой прочной проволоки...

...В ключья изрезав перчатки о рваные края металла, Ненароков зацепил загнутый крючком конец вылезшей снизу проволоки за дырочку в листе дюралья. Затем подтянул к себе вторую проволоку и стал просовывать ее в другую дырочку от вылетевшей заклепки. Он снова

резал руки о металл, но они так заоченели, что он уже не чувствовал боли. Шарф, прикрывавший его рот, заиндевел, стал белым и пушистым.

Зацепив проволоку покрепче, Ненароков покачал ее вверх и вниз, подавая Игорю сигнал тянуть. И сам стал изо всех сил толкать от себя задравшийся лист обшивки. А внизу, в салоне, Игорь и двое пассажиров помогали ему: налегая всем весом, тянули проволоку к себе.

...Поддавшись этому двойному усилию, лист обшивки медленно разогнулся, лег на место, прикрыл трещину в фюзеляже.

...Впервые с начала рейса в салоне стало тихо. Прекратился зловещий свист. С помощью металлической перекладины от вешалки два пассажира закручивали проволоку потуже, чтобы подтянуть, зафиксировать возвращенный на место лист обшивки.

– Дай помаду, – попросил Игорь у подошедшей бортпроводницы. И обвел трещину по периметру ярко-красной линией, чтобы заметно было, если начнет увеличиваться.

...Валентин Ненароков, закрепившись при помощи крюка – чтобы не сдуло ветром обратно в трубу, – высунулся по плечи в открытое пространство. По фюзеляжу гуляли блики от фар «ила»: он по-прежнему сопровождал их, светя сверху на хвост «Ту-154». А кругом было черное небо, и на нем развешаны звезды – крупные, белые, как спелые антоновские яблоки.

...В кабине Тимченко говорил в микрофон:

– Валя, ты молодец, ну просто молодец!.. Что сейчас делаешь? Почему молчишь?.. Валя! Не сразу послышался голос Ненарокова.

– Микрофон за шею развернуло. А руки заняты... Андрей Васильевич, ночь какая красивая, звездная.

– Что-что? – опешил не привыкший к лирике Тимченко. – Ты не поморозился?

– Ничего... Хочу посмотреть отсюда на руль высоты. Может, пойму что-нибудь.

– Все. Хватит! – твердо сказал Тимченко. Спускайся, отдохни, отогрейся... Слышишь? Повтори, как понял.

...Ненароков, усталый бесконечно, лежал на полу в хвостовой части. Игорь растирал его, мял коленями и руками, а Тамара осторожно стаскивала липкие клочья – все, что осталось от перчаток. Когда она увидела его руки – все в крови, искромсанные острым металлом, – то не выдержала и заплакала.

– Чего ты воешь? – грубо сказал Игорь. – Тащи доктора... Руки – ерунда, он мог глаза потерять.

...Командир экипажа докладывал Москве:

– Трещина в фюзеляже пока не увеличивается – задравшийся лист отогнули на место и закрепили.

– Консультация по рулю высоты нужна? – спросила Москва. – Тут у нас все специалисты, собрались.

– Спасибо, пускай рядом побудут.

– Понял... Запасные вам подготовили: Минводы, Киев.

– Садиться не буду, пока не разберемся с рулем. Сейчас им займемся.

Вошел Игорь. С каким-то даже торжеством он объявил:

– Ненароков руки до кости изрезал. И обморозился, кроме того. Он не может снова лезть... Придется вам, Андрей Васильевич, послать меня!

– Врач около него?

Скворцов кивнул.

– Так-так, – сказал Тимченко. – Шлет царь второго сына... Иди, Игорь, готовься. Лицо жиром намажь.

...Теперь к путешествию готовился Игорь. Он надел тот же изодранный красный комбинезон, который был на Ненарокове, повесил за спину ту же джинсовую сумку. Фельдшерица густо намазала ему лицо каким-то кремом.

...А Тимченко тем временем докладывал Москве:

– Приступаем к ремонту руля высоты. Бортинженер проникнет в носок киля, поднимется по нему до самого верха, прорубится наружу и попытается извлечь застрявший в руле высоты посторонний предмет...

В Министерстве гражданской авиации лысоватый инженер в очках отмечал на схеме «Ту-154» маршрут, о котором говорил Тимченко:

– Вот здесь ему придется прорубать нервюру, здесь – вторую... Вообще-то, не разгуляешься: тесно очень. – Он прочертил красным фломастером вертикальную линию внутри носка киля. – Тут и тяги, и труба противообледенения...

– А реально это? – спросил кто-то из сидевших за столом. Инженер только пожал плечами.

Игорь, стиснутый с трех сторон металлическими стенками, рубил топором нервюру. Нервюра – это перфорированная тонкая переборка из дюралья. И прорубить ее было бы нетрудно, если б не теснота. Ни размахнуться, ни ударить как следует. По лицу Игоря катился пот.

– Что у тебя? – спросил голос Тимченко.

– Все то же. Рублю.

...В кабину вошел и сел в свое кресло второго пилота Валентин Ненароков. Руки у него были забинтованы, на лбу и на щеках проявились обмороженные места – красные пятна, которым предстояло стать черными. Тимченко улыбнулся ему и даже похлопал рукой по колену, продолжая слушать Игоря. Голос бортинженера докладывал:

– Первая нервюра готова. Лезу выше, рубить вторую.

– Устал? – поинтересовался командир.

– Ничего. Ломать – не строить.

...И снова Игорь, мотая головой, чтобы пот не заливал глаза, рубил топором неподатливый дюраль... Дорубил и полез выше, протискиваясь между трубой и тягами. Одежда на нем уже висела лохмотьями. А фонарик, укрепленный на лбу, показывал своим светом, что лезть еще долго и пространства наверху еще меньше: носок киля кверху сужается.

...В кабине Тимченко спрашивал:

– Ты уже наверху?

– Да, – отвечал голос Игоря. – Тут блок радиостанции.

– Смотри не замкни электрику... Сам убьешься и пожар устроишь.

– В случае пожара звоните «01», – непочтительно ответил Игорь. – Я больше не буду рубиться. Тут люк. Попробую выломать замки и отогнуть крышку.

– А не сорвет ее потоком?

– Ну и сорвет. Зачем она вам?

Тимченко покрутил головой и усмехнулся.

...«Ту-154» летел в темноте над невидимой черной землей. Только хвост самолета был ярко освещен фарами сопровождающего «Ила».

На верхушке киля, над плоскостью стабилизатора, распахнулся лючок. И сразу же крышку сорвало встречным потоком воздуха и унесло. Из отверстия, как танкист из люка, высунул голову Игорь. Но, ослепленный светом фар, он тут же спрятался обратно.

– Андрей Васильевич, – попросил он в микрофон. – Скажите ему, чтоб чуть поджал фары или пускай переместится так, чтобы на меня падала тень от руля!

«Ил-18», по-прежнему висевший над самолетом Тимченко, погасил одну фару.

Игорь снова вылез до половины и, неудобно выкрутив шею, поглядел вдоль стабилизатора на руль высоты.

– Вижу! – сообщил он командиру. – Там застряла какая-то деталь.

– Не наша?

– Нет. Какой-то обруч, по-моему... Попробую его зацепить и вытащить.

– Рассказывай, что делаешь, – потребовал командир.

– Достаю «кошку»... – Он вынул из сумки маленький остролапый якорек на толстой леске. – Буду понемногу стравливать.

Неторопливо, будто за борт лодки, Игорь стал выпускать наружу леску с «кошкой» на конце. Как он и ожидал, встречный поток воздуха подхватил якорек, прижал к стабилизатору и поволок назад. Но до руля высоты «кошка» не доползла – потоком ее отбросило вправо.

Игорь попробовал еще раз, но опять безрезультатно.

– Ну как там? – обеспокоенно спрашивал Тимченко.

– Пока никак... Надо парашют делать.

– Какой парашют?! – не понял Андрей Васильевич.

– Для «кошки». Из рукава.

Он потерся плечом об острый край люка. Ткань комбинезона затрещала. Изловчившись, Игорь сорвал с левой руки рукав и один конец его прицепил к леске у основания якорька. Потом опять пустил по ветру «кошку», снабженную самодельным парашютом. И снова ее отнесло в сторону.

В Министерстве авиации по-прежнему следили за каждым действием экипажа Тимченко. Молодой бородатый инженер говорил:

– Вот эта идея, чтобы зацепить и вытащить «кошкой» на веревке.

– На фале... – машинально поправил хозяин кабинета.

– Да, на фале... Идея зацепить «кошкой» на фале мне решительно не нравится. Во-первых, «кошка» сама может застрять в руле высоты и еще усугубить положение...

Хозяин кабинета сказал с некоторым раздражением:

– Ну не ставить же этот вопрос на голосование!.. Они же действуют!.. Вы, по-моему, других идей им не подсказали?

В соседней комнате был накрыт стол. Проголодавшиеся за ночь участники совещания наспех подкреплялись чаем с бутербродами, слушая через открытую дверь, о чем говорят в кабинете.

– Смените полностью состав дежурных диспетчеров, – приказал в селектор хозяин кабинета. – Пускай заступят свежие люди, неуставшие.

Игорь, измученный, продрогший, снова выпустил якорек наружу. На этот раз ветер, наполнивший «парашют», потянул «кошку» куда следовало. Стравив метра два лески, Скворцов потянул к себе, опять отпустил, опять потянул... На четвертый или пятый раз «кошка» не пошла назад, зацепилась за что-то. Игорь с трудом высунулся и заворочал головой, светя фонариком. Точно: одна лапка ухватила за обруч.

– Поймал рыбку! – крикнул он в микрофон, нырнул обратно в отсекабель стабилизатора и потащил что было силы. Обруч не поддавался. А у Игоря уже сил не осталось: он закоченел на тридцатиградусном морозе, на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.